

Николай ЗАЙЦЕВ Вадим РЕВИН

ПЛАСТУНЫ

ЗОЛОТО ПЛАВНЕЙ

Новый исторический роман

Николай Зайцев

Пластуны. Золото плавней

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Зайцев Н.

Пластуны. Золото плавней / Н. Зайцев — «Издательство АСТ»,
2023 — (Новый исторический роман)

ISBN 978-5-17-160146-1

Издrevле казаки стояли на защите рубежей Отечества. Пограничные станицы участвовали в стычках с воинственными горскими племенами: отражали натиски и сами хомыляли по плавням. В постоянной борьбе закалялось казачье братство. Здесь все были друг за друга, и каждый был уверен в плече товарища, односума, зная, что его не бросят.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-160146-1

© Зайцев Н., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	53
Глава 9	60
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Николай Зайцев, Вадим Ревин (Колбаса)

Пластуны. Золото плавней

© Николай Зайцев, 2024

© Вадим Ревин, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

*Памяти черноморских казаков, потомков казаков запорожских
и в частности казачьих родов Ревиных (Рева), Сусловых и Колбаса
посвящается.*

*По пластам хамылять не впервой,
Схроны в плавнях тайком паковать
И гулебить в ночи под луной —
Пластунам не к лицу горевать.*

Глава 1

Сполох

1.1

– И куда вырядился? – спросил старый казак, глядя, как молодые парубки, лихо свистя и удало вертясь, загоняют табун в реку, спасая коней от полуденного зноя. Две девки на мостках, что простироваали белье, смеясь, подначивали молодых юношей. Казак прищурил глаза и узнал Марфу, дочку куркуля Емельяна, и помощницу ее хохлушку Марийку. Обе красавицы, похожи, как сестры, чернобровые, веселые, любят поскалиться, а сейчас еще белыми ноженьками сверкают. Такие кого хочешь с панталыку собьют.

Старый казак помахал в их сторону плеткой, больше для приличия, чем с угрозой, чем вызвал новую волну смеха у девок, и спрыгнул с коня, отпуская жеребца к водопою, а сам, прячась в тени дерева, пристально по привычке оценил обстановку. Парубки на веселые шутки реагировали слабо, четко выполняя наказ, но пройдет время, и они своего не упустят – дело-то молодое. Да и хохлушка Марийка такого шанса не упустит и уж покрасуется лишний раз.

– Да дядько Михайло! – воскликнул Василь и стукнул по луке седла кулаком то ли в досаде, то ли назойливую муху прогоняя. – Да я понимаю, что наряд, и провинился я знатно – гульнул, не подумав, и говорил много, и кулаками махал, но и вы поймите – мне такой шанс грех упускать!

– Ишь ты, как запел! Когут, да и только! Прямо так и грех?

– Да сам сотник Билый сегодня джигитовку принимает. Как удаль не показать? Он же лучших в чет отберет.

– А ты свою удаль вон Марийке покажи! – предложил старый казак. – Смотри, как девка старается.

– Да вечером и покажу, – отмахнулся Василь, – а сейчас отпусти на джигитовку. Ну что я – хуже других? Дело-то плевое, парубки дывись как справляются!

Старик отхлебнул из баклажки; прав Василь, табун уже весь загнали, самому делать нечего, без его команды управились, а приказному такое наказание хуже смерти, когда все на джигитовке, а ты тут...

– Ладно, двигай давай, заверни только в крепостицу, подхорунжему Гамаюну доложишь, что я отпустил. И чтоб дид Трохим ко мне сегодня вечером пришел, у меня вишневка готова! Ох и заспиваем! – Казак возбужденно потер руки. – До утра! А то пока и не охрипнем.

– Дядька Михайло! Век не забуду! – Конь под казаком сразу и разворот начал делать. – И дидык с радостью к вам придет! Все передам!

– И чтоб первое место занял! – уже крикнул в спину. – Не посрами фамилию!

– Я мигом! Обернусь – и не заметишь! – прокричал Василь, оборачиваясь и расплываясь в широкой улыбке. И пыль столбом, а когда осядет – и след исчезнет. Жарко этим летом. Спасу нет.

Дядько Михайло покачал головой, потом еще раз, когда на мостки посмотрел, где молодые девки продолжали белье полоскать и зубоскалить с парубками, и присел в примятую траву, тоже решив от зноя схорониться под раскидистыми раинами¹.

¹ Раины – пирамидальные тополя.

Затих стук копыт. Пронесся овод, жужжа у лица, и казак лениво отмахнулся от него. Даже голоса молодежи стали приглушенными, разморило на сон. Глотнуть еще водицы кирницы² Трех святых, что дольше всех холод сохраняет, да вздремнуть полчаса, а то и часик – без него не уедут. Зной забирал последние силы.

Рука потянулась, но не нашла баклажку.

Странно.

Дядько Михайло зашарил вокруг себя руками, изогнулся, дивясь, куда мог по старости баклаху сунуть и забыть, и замер в полусогнутом состоянии. Из кустов на него лицо смотрело – темное, смазанное, тряпицей обмотанное. Казак дернулся к оружию, набирая в грудь воздуха для крика тревожного, но чья-то жесткая рука сзади обхватила, рот пережимая. По горлу чиркнула сталь острая, и рубаху стало горячим заливать. Дядько Михайло еще трепыхался в крепких руках, как из кустов, где лицо страшное привиделось, горец быстро появился и, резко взмахнув кинжалом, всадил его в грудь старого казака по самую рукоятку.

Тело сразу обмякло. Абреки, уложив казака в траву, переглянулись. Один коротко свистнул, и из кустов стали выходить вооруженные горцы.

– Да шо ты скалишься, скаженный! – Марийка замахнулась выжатым бельем в сторону молодого вертлявого казачка, что вертелся на крупе рослого жеребца. Остер малый на язык оказался, вон и Марфа покраснела. – Я зараз тебе так дам! Вот выберешься из воды!

Сухой выстрел разнес забияке белую голову. Конь дико всхрапнул, когда тело мертвого мальчишки упало рядом, разбрызгивая воду.

Раздалось еще несколько выстрелов. Марийка от испуга побледнела, опустила в руках белье и выронила его в воду. Наволочка развернулась и поплыла по поверхности белым квадратом. Привел в чувство истошный крик Марфы, обернулась посмотреть и обмерла еще больше – по подмосткам к ним бежали два черкеса.

– Прыгай! – закричала Марийка, ныряя в реку. Хозяйская дочь обернулась к ней, испуганно руки заламывая и поднося к лицу, и вспомнилось сразу, что плавать не умеет. «Лучше утопнуть, чем к черкесам», – вихрем пронеслось в голове, и Марийка нырнула поглубже. Горная ледяная вода, прогретая хорошо только сверху и на мелководе, обожгла холодом глубины.

Видно, такая мысль посетила не только ее, но не успела Марфа, дернулась – и схвачена оказалась. Абрек вдогонку Марийке разрядил револьвер, подождал для приличия, когда тело всплывет, или воздуха не хватит, и сама появится.

Не всплыла. Такой результат тоже устраивал. Попал, значит, а там девчонка, может, за корягу зацепилась или водяной шайтан³ утащил – их здесь много водится. Старший брат закинул казачку на плечо и гортанно прикрикнул, на табун указывая, где уже остальные управлялись, но помощь все равно нужна была. Аллах послал большую добычу! Уйти теперь надо с ней! И они оба заторопились на берег, обратно к своим.

Марийка плыла под водой, подальше от страшного места. Грудь огнем полыхала, но девушка не решалась всплыть. Руки стали рвать осоку, вот и камыши. Осторожно всплыла для глотка чистого воздуха и дальше поплыла под водой. Сердце билось набатом. Все казалось, что схватит сейчас абрек за пятку да вытащит на берег. Всплывала еще два раза, прежде чем на третий наконец решила вынырнуть полностью. В камышах заходила, не в силах надышаться, смотрела сквозь острые листья, как табун угоняли и Марфушку в полон забрали, и губы тряслись в немом крике: «Беда. Ой беда!» Как же проворонили бандитов? Как пройти они сумели? Или вырезали ближайший пост?

Ей казалось, в воде просидела вечность. Боялась пошевелиться. Икру правую огнем жгло и тысячу иголок кололи. Растирала и внимательно смотрела по сторонам. Солнце стало опус-

² Кирница – колодец.

³ Шайтан – черт, дьявол.

катся и не так жарить. Мимо ужик проплыл, комары начали заедать, стрекозы запорхали – успокоился мир вокруг.

– Беда, ой беда, – всхлипнула Марийка. Насколько хватило сил быстро проплыла, потом устремила к берегу, теперь уже не таясь, помощи искать.

Ноги скользили по глиняному обрывчику, когда выбиралась. Помогала руками, цепляясь за длинные стебли травы. Сердце бешенное колотилось от нахлынувшей тревоги.

Марийка выбежала на тракт. Заметалась у развилки: куда бежать? В станицу или в крепостицу? На заставу страшно – там брод, и туда черкессы погнали табун, по-другому им никак. Но вдруг мимо прошли? И тогда срочно сигнал надо подать, без нее же не справятся и не увидят опасность.

Не зная, что делать, Марийка, слабость почувствовав, села у дороги и громко заплакала навзрыд. Страх сковал тело, колени с трудом согнулись. На голые белые ноги пыль и соринки налипли. Теперь из-за них и не увидеть красоту, от такой горькой мысли Марийка разрыдалась еще больше. Что же день такой невезучий и пакостный!

Со звонким щебетанием низко пронеслась стайка ласточек. Встревоженные и возбужденные, они закрутились рядом и унеслись в высь голубого неба. Легкий ветерок принес запах дыма.

Девушка встrepенулась, голову поднимая. Над плавнями поднимались темные столбы. Сначала в одном месте, потом в другом, и вот уже по цепочке передались всем.

– Увидели, увидели! – зашептала Марийка, резко поднимаясь. Колени тут же согнулись от слабости, но она устояла.

Ломая кусты, на тракт к развилке вылетел всадник. Девушка попятилась, вскрикивая от неожиданности, но бежать и хорониться было уже поздно.

«Вот и поймали!» – пронеслась отчаянная мысль в голове. Она подняла руки ко рту, душа в себе крик отчаяния.

Но всадник, увидев ее, поднял коня свечкой и загарцевал.

– Марийка! – закричал казак. Девушка узнала его по голосу, в глазах туманилось, и образ расплывался, не поверила:

– Василий?!

– Где дядько Михайло? – приказной усмирал разгоряченного коня.

– Нэма. – И хоть и не видела смерти старого казака, не сомневалась в словах. Казак понял с полуслова:

– И парубки? – голос Василя сразу охрип.

Девушка снова кивнула и разрыдалась.

– Ой беда!

– Я к сотне, на джигитовку! Подхорунжий Гамаюн с бончуком послал, сам оборону занимает, так посыльный сказал, мне бончук передал, а сам обратно на заставу в крепостицу поскакал! Говорит, не может бросить братьев. Как же так, Марийка? А я... я... бросил!

– Ой беда, беда.

Казак встряхнул головой, женские причитания только в чувства привели. Потом ответит за проступки. Кровью искупит. Сказал уже быстро:

– Через Гамаюна, видно, табун погонят, Там брод и к аулу прямая дорога! Беги в станицу. Хоронись! Пора мне.

– Василь, не бросай меня! Я не хочу, как Марфа, в полоне оказаться! Вдруг еще рыщут абреки рядом!

– Марфа?! Жива?! Так ее не убили? Ее взяли?!

Марийка закрутилась возле коня, и тот недобро всхрапнул, скалясь, и тут же попятился, сдерживаемый хозяином.

– Марфушку, родненькую, схватили и увезли! Забери меня с собой!

– Не до тебя, дуреха. Прости. – Казак стеганул коня и сразу послал в галоп.

Девушка провожала его взглядом, не ведая, что дядь-ко Михайло, послав приказного к Гамаюну с докладом, тем самым спас казака от верной и неминуемой гибели.

Не знал об этом и Василь, скача во весь опор, выполняя следующий наказ подхорунжего, но в душу его нет-нет да и закрадывались мысли, долго ли в крепостице казаки будут держать оборону. К ним наверняка уже спешат и одиночки пластунов-охотников, и тройки – взаимовыручка всегда на первом месте, но основную подмогу может только он привести.

Надо торопиться.

1.2

Билый проснулся, когда первые солнечные лучи выглянули из-за зубчатой гряды дальних гор. В хате еще царил полумрак. Сотник перекрестился на образа, аккуратно стоявшие в красном куте, освещаемые тусклым светом небольшой лампы.

На ум пришли стишки деда Трохима, которыми тот старость свою украшал и делал жизнь другим интересней:

В хату медленно входи,
Шапку с головы сними.
Образам ты поклонись,
На красный кут перекрестись.
И скажи прям у порога:
Спаси Христос и Слава Богу.

Мягкой кошачьей поступью он прошел к двери и вышел наружу. Крутило всего, давно так душу не свербило. Старый кобель на привязи вылез из будки, вытянулся, приветливо замахал куцым хвостом, заскулил щенком.

Микола свел брови – не до него. Пес сел и отчаянно зашкрябал ухо задней лапой, все так же преданно поглядывая на хозяина, ловя хоть намек на приветствие.

– Не до тебя, старый. Прости.

Пристально посмотрел на дальнюю гряду гор, где располагались черкесские аулы. Непокойно было на душе. Необъяснимое чувство волнения, понять которое возможно лишь казацкой чуйкой, закралось в сознание. Что же так тревожит? Неясно, нет ответа. Тишина какая-то странная.

Взмахнув рукой, как будто нанося рубящий удар шашкой, Билый втянул громко прохладный утренний воздух, наполнив легкие свежестью. Домом пахнет. Спокойно все вроде, может, показалось?

Скрипнула дверь.

– Микола! Яичницу будешь? – Брательник смотрит из-под чуба вопросительно, стоя в проеме двери.

– Ни.

– Точно не оставлять?

– Ни, кажу.

– Дэвись. – Мишка пожимает плечом – ему больше достанется – и скрывается в кухоньке.

Умывшись холодной водой, сотник наскоро поутреневал стаканом айрана⁴ и куском каймака⁵. Младший брат Мишка встал раньше, уже на ногах, и сейчас уплетал аппетитно яичницу.

⁴ Айран – кисломолочный продукт у народов Кавказа.

⁵ Каймак – творог.

Для него еды много не бывает. Хороший возраст. Уже парубок. Со своими братьями на кабанчика собрался идти охотиться.

Миколу же не до развлечения, предстояло сегодня принимать своего рода экзамен. Те месяцы, которые он потратил на обучение молодых казаков мастерству джигитовки, дали свои результаты. Какими они будут, предстояло выяснить сегодня. Билый надел шаровары и бешмет⁶, поверх бешмета черную черкесску. Затянул кавказский пояс, закрепив на нем кинжал и шашку, отороченные серебром. Обул мягкие ичиги⁷ и вышел на баз седлать своего коня.

Раннее утро в станице наполнилось стуком конских копыт, оставляющих четкие сакмы⁸ по шляху, ведущему к реке. Около сотни молодых казаков, смешивая дорожную пыль с утренним туманным воздухом, с гиком проскакали к окраине станицы. Там, у берега реки Марты, притока Кубани-матушки, была оборудована площадка, где регулярно проходили занятия по джигитовке.

Любовь к лошадям у казаков, как и у их соседей черкесов, передавалась из поколения в поколение. Ведь конь для казака был и остается не просто средством передвижения, а как союзник, боевой товарищ. С малых лет батя приучал казачонка как будущего воина к коню. В три года, приняв обряд посажения на коня, казачонок постоянно следовал за отцом, помогая ему в уходе за лошадей и ее седловке. И не было времени радостнее для любого молодого казака, когда ему разрешалось принять участие в джигитовке. Скачка, во время которой, всадник демонстрирует свою ловкость, смелость, отвагу, высокое мастерство владения лошадей, рождало не сравнимое ни с чем чувство свободы, полета, которое досталось казакам от их далеких предков и жило в них на генном уровне.

Казаки-черноморцы, которыми была заселена станица Мартанская, – прямые потомки запорожцев – сильно отличались от казаков других войск. Как и их предки, черноморцы являлись одновременно пластунами и верховыми, моряками и артиллеристами. Им часто приходилось нести два или даже три вида военной службы, исходя из требований местности или обстоятельств. Поэтому обучение военному делу велось многопланово.

Сегодняшний день обещал быть интересным и праздничным. Молодым казакам, освоившим мастерство джигитовки, не терпелось показать свою удаль. Присутствие станичного атамана и стариков добавляло торжественности в действо.

Смысл джигитовки состоит в самом ее названии, происходящем от тюркского «джигит» – лихой и квалифицированный всадник (наездник). Джигитовка всегда практиковалась как боевое искусство и казаками, и их соседями – черкесами. Несмотря на кавказское происхождение слова «джигитовка», практическое его наполнение сугубо казачье. Именно казаки, отличаясь высоким индивидуальным боевым мастерством, перенимали и развивали самые лихие и эффективные боевые приемы у народов, с которыми они дружили или воевали. И для молодых казаков джигитовка была и остается обязательной.

Традиционно джигитовку разделяли на обязательную для всех казаков, исполняемую с оружием и походным выюком, и на вольную, которая может быть без оружия и выюка.

Площадка была разделена соответственно. Справа, ближе к реке, была оборудована полоса по обязательной джигитовке, в программу которой входили стрельба с коня и рубка чучел, поднимание предметов с земли, подъем на коня пешего товарища, увоз раненого одним или двумя всадниками, соскакивание и вскакивание на коня на карьере. Левая полоса была предназначена для вольной джигитовки, упражнения которой делились на джигитовку с пикой, умение положить коня на карьере, скачку одвуконь и триконь с пересадкой с одной лошади

⁶ Бешмет – длинная рубашка, типа легкого кафтана, носится отдельно с шароварами в быту или же под черкесской.

⁷ Ичиги – сапоги из мягкой кожи с тонкой подошвой и специальной формой голенища. Распространены у горских казаков (терских и кубанских) и у кавказских народов.

⁸ Сакмы – у это следы конских копыт на дорожной пыли.

на другую, скачку группами, скачку стоя, скачку вниз головою, переворачивание на карьере лицом назад и скачку сидя задом наперед, расседлывание коня на скаку.

После разделения казаков на две полусотни и построения сотник Билый на своем ахалтекинце подъехал к станичному атаману, восседавшему на рыжевatom дончаке, и отрапортовал о готовности. Атаман, поздравив казаков, дал команду, и соревнования по джигитовке начались.

По причине раннего часа из зрителей присутствовали старики. Они сидели, как и водится у казаков, на почетных местах, откуда просматривалась вся территория. Бывалые вояки. Седоволосые с длинными бородами, в потертых черкесках, которые украшали «Георгии», они оценивающими взглядами сопровождали проносящихся перед их ликами в карьерном галопе наметом казаков. По их лицам читалось, как тот или иной парубок справился с поставленной задачей.

У плетня, что огораживал участок территории, на котором джигитовали казаки, стояли три человека. Это были мугари, как их называли казаки, – работники, в основном из хохлов, нанимавшиеся на летне-осенний период к казакам. Эта троица с нескрываемым восторгом наблюдала за тем, как молодые казаки ловко рубили лозу, пролетая наметом, склонялись до земли, стреляли на ходу из лука. Для них, иногородних чужаков, все это было в диковинку.

– Лихо-то как!

– Добре!

– От гарные хлопчики! – то и дело восхищенно раздавалось среди хохлов.

Казаки с легкой надменностью относились к чужакам, считая их людьми зависимыми. Это качество характера они унаследовали от своих предков – запорожских казаков, для которых свобода и честь были превыше всего.

Старики, сидя рядом, довольно бойко обсуждали то, как молодежь справляется с элементами джигитовки. Вспоминали годы своей былой воинской славы, когда рубили черкесов и турок, не страшась смерти.

Самый молодой из них, дед Трохим, разменявший на Покров свой седьмой десяток, заметив у плетня трех работников, улыбнувшись, довольно громко произнес:

– Гамсэл, гамсэл. Привязан до ясэл. Яслы усохли, уси гамсэлы здохлы. – Старики, довольные шуткой деда Трохима, улыбнулись, поглаживая седые бороды: «Добрэ. Цэ так наши диды шутковалы. Ну и мы трохи пошуткуемо».

– Ну кто так стреляет? – спрашивал дед Трохим, когда началась стрельба с коня. – Эх, Василя моего нет. Я своего внука сам учил!

Старики и здесь посмеивались, не веря печали товарища, потому что все молодые казаки на джигитовке стреляли отменно.

Сотник Билый, сидя в седле как влитой, с легкой улыбкой удовлетворения цокал языком на черкесский лад.

– Молодцы! Орлами смотрите! – Он был доволен тем, как подготовил молодежь. Был доволен и станичный атаман, показав жестом Билому – добрые хлопцы.

Солнце заняло место в зените. Было жарко. Легкая прохлада долетала с реки. Казакам оставалось пройти последние препятствия вольной джигитовки. Билый прислушался. Ему показалось, что на дальней залогe стреляли. Он осмотрелся. Над пикетом, что ниже по течению Марты, поднималась тонкая струйка черного дыма.

– Вот и первый знак, – пробормотал Микола и скрипнул зубами – не подвела чуйка сотника.

«Тревога. Черкесы!» – мелькнула мысль. И почти сразу навстречу ему галопом выскочил казак из охранения с бунчуком в руках.

– Да то ж Василь, внук мой! – выдохнул дед Трохим, привставая со своего почетного места. – Никак случилось что-то.

Подскакав к сотнику, приказной выдохнул:

– Черкесы. Верховые. Человек около ста. Увели косяк лошадей и направляются в аул. Если пойти через горы, успеем нагнать.

– Скачи в станицу, – приказал Билый. – Сполох!⁹

1.3

– Гонят! – закричал дозорный с вышки.

Подхорунжий Гамаюн кивнул, сам слышал нарастающий шум – стук сотни копыт и гор-
танные крики горцев; урядник, тут же поняв посыл, закричал:

– Занять оборону!

Семь казаков, вооруженные винтовками и личным холодным оружием – шашками и кин-
жалами, залегли в амбразурах двойного плетня. У землянки копошился прикомандирован-
ный канонир, колдовал над старой горной мортирой – единственный сигнальный заряд он
собирался использовать с максимальной выгодой. Посмотрел на подхорунжего, кивнул – все
в порядке, готов и ждет команды.

Гамаюн улыбнулся, не время горевать о нехватке зарядов, надо черкесов не просто оста-
новить, но и сковать, навязав бой. Не дать им пройти наскоком и увести табун. Зная горцев,
подхорунжий был уверен, что те не упустят такого шанса, как снести пограничную крепостицу:
разрушить до основания землянку, снести плетни, порубить заставщиков. Обладая численным
превосходством, передовые отряда непременно атакуют, пока остальные попытаются провести
через брод табун.

Гамаюн не сомневался в составе казаков: молодежь вся обстрелянная, урядник опытный,
даже канонир не выглядел сильно испуганным, а ведь сейчас будет сеча, и кровь непременно
прольется. Добрался ли вестовой до места? Смог передать бончук с наказом? Сейчас бы как
пригодился – стрелял всегда отменно, первым был в залогах, таясь с винтовкой, и зря патроны
не переводил, меняя их на чужую жизнь со счетом один – один.

Теперь самое главное.

Смогут ли они продержаться до прихода станичных? Должны и обязаны.

Подхорунжий быстро проверил свою английскую винтовку, добытую на Балканской
войне, засылая патрон в ствол. Безукоризненная, она никогда не подводила, вытерпит и сейчас.

– Видишь те три раины?

– Так точно, господин подхорунжий.

– Мортира когда-то до них была пристреляна. Как только поравняются, пли. И ховайся
в землянке, из нее будешь стрелять.

– Есть!

– Добре. – Гамаюн кивнул, снял папаху и вытер вспотевший лоб. Дозорный с вышки
проворно спустился на землю и занял свое место у амбразур в плетне.

Земля под ногами начинала дрожать под далеким конским топотом.

– Добре, – еще раз сказал казак и захотел испить студеной воды, такой, чтоб зубы свело
и горло заболело. Урядник тихо и внятно стал проговаривать молитву пред боем, и все стали
креститься, глядя, как на них в клубах пыли приближается группа черкесов. Улюлюкая и завыва-
вая дикими собаками, они подбадривали друг друга, потрясая длинными пиками для разбора
плетней.

– В руце твои, Иисусе Христе, передаю дух мой, ты же мя благослови, ты мя помилуй
и живот вечный даруй ми.

⁹ Сполох – тревога.

Глава 2

Джигитовка

Приказный, а это был Василь Рудь, внук деда Трохима, держа в руках бунчук с прикрепленным к нему красным флажком, наметом поскакал к станице. Копыта его коня кабардинской породы, называемой горцами адыгэш, казалось, зависали в воздухе, не касаясь земли. Облако густой пыли потянулось за всадником, словно тень. Коня этого, как и основное оружие, Василь получил в подарок от своего деда Трохима – по святой традиции казачьего рода на добрую службу. А служба – это жизнь, значит, на всю жизнь.

– Не посрами хфамилию, внук! Тебе самое лучшее!

– Ой спасибо, диду! – растроганный молодой казак обнимал старика и целовал троекратно. В глазах стояли слезы радости, волнения и торжества. Спроси его, что именно он испытывает в ту секунду, не ответил бы.

– Остальное добудешь на шашку, – хитро шептал старик на ухо, обдавая добрым чесночным запахом, и в по-прежнему молодых глазах, обрамленных сеткой морщин, стояли смешинки. словно в зеркало, они смотрели друг на друга, видя каждый свое – будущее и прошлое. И вечная то была связь, не рушимая временем.

Казак Василь всеми силами старался оправдать доверие старика, быстро стал приказным, стремясь быть первым везде, и очень сильно переживал, что не попал на джигитовку из-за своего глупого проступка. Теперь пришло время восстановить имя и выполнить наказ самого сотника Билого.

Дед Трохим, стоявший рядом с другими стариками, чуя неладное, смотрел вслед удаляющемуся в сторону станицы внуку. С тревогой в сердце он перекрестил его двуперстным крестным знаменем и прошептал сухими от жары и волнения губами:

– Господи, сохрани. – В станице еще хранили «веру отцов, веру истинную», следуя законам старообрядческим. Так повелось, что при переселении на Кубань больше половины казаков стали прихожанами греко-российской церкви. Однако другая часть не придерживалась таких правил. Старообрядческая половина казаков, в основном это были черноморцы, не удовлетворилась исполнением треб собственных наставников и обратилась через поверенного в Астраханскую духовную консисторию с просьбой о рукоположении для них собственных священников, которые исполняли бы требы по старопечатным книгам и старому обряду. И вот тут произошел казус: старообрядческие священники, перед которыми изначально ставилась задача постепенного обращения старообрядцев в православие, сталкивались с трудностями в деле своей миссии, и старообрядчество в станицах держалось крепко, а заповеди блюлись строго.

Время, как вода в Кубани, протекло незаметно. Когда внук успел вырасти? Вспомнилось деду Трохиму, как Василию исполнился годик.

Первый день рождения отмечали по обычаю, установленному предками, и придавали этому особое значение. Собралась на базу у хаты в тени кустов калины красной вся родня и крестные родители внука. Шли всей процессией к станичной церкви.

После литургии и причастия все вновь вернулись к курению Рудей. Выносила сноха Нона, первая красавица станицы, из хаты кожух. Сажали по традиции на тот кожух Василя. Выстригали малому Василию крестом светлые волосики на головке, чтобы защитить будущего воина от происков лукавого.

Брал затем Федор, прозванный в станице Вареником за страсть свою к этому блюду, которое мог съесть неограниченно, – отец Василя, сын деда Трохима, сына на руки и нес на баз, где стоял на привязи боевой конь. Все смотрели с замиранием сердца на обряд, затаив дыхание, боясь шумом растревожить душевность мига.

Сажал Федор Вареник-Рудь маленького Василя на коня, надевал на него свою шашку, брал коня под узцы и проводил по базу. Медленно вел, с достоинством – показывая миру появление нового казака. Несмотря на свой возраст, держался внук в седле крепко. В глазах его светилась гордость. На коне верхом, да все одобрительно смотрят, улыбаясь, – чего бояться. Весело ему! Так и поскачет по жизни – сразу видно – удало и легко.

– Отразу видно, природный ты – казак! Добрый казак! – сказал тогда Иван Ковбаса – крестный отец Василя, казак из прославленного рода, пластун и рубака известный. Не раз хамылявший с Вареником по плавням, друг первый и односум. Да что там друг! Брат названный! Кому как не ему стать крестным? Лучше и не найти, воспитает как сына, не стань Федора.

Мать украдкой вытирала слезы белым платком, умиляясь и радуясь торжественности момента.

– Сыночек мой, – шептала женщина, окрыленная гордостью.

Опосля собирались все мужчины рода, вели мальчика на коне на священное место своей станицы, называемое у черноморцев кругликом. Там крестный отец осторожно брал Василя на руки, поднимал высоко над головой, повернулся лицом на восток и произносил:

– Будь добрым казаком и славным воином, как и предки наши.

Традиция эта, возникшая в седой древности, кочевала из поколения в поколение и позволяла передать на духовном уровне силу и знания рода новому поколению.

Быстро рос внук. Шустрым и жизнерадостным парубком. Так же время пролетало: то метелями и сугробами, то знойным пеклом. Запах цветения акации сменялся запахами меда, да незаметно всегда приходила осень со своей грязью и проливными дождями.

Вспомнилось деду Трохиму, и как провожали Василя на службу. Как ставила мать призывника на колени, умывала святой водой и читала молитвы, обращаясь к Спасителю, Матери Божией, ангелу-хранителю с просьбой спасти и сохранить сына. Умыв Василя, вытирала его подолом, вывернутым наизнанку.

И снова шептала мать тайком:

– Сыночек мой... – И сердце ее сжимала тревога, которая вселилась туда навсегда.

Отец же его готовил в это время коня на базу. Подводил затем коня Ноне, супруге своей, клала та поводья в свой подол. Брал Василь поводья из подола матери, садился в седло и правил коня к месту сбора, туда, где сегодня джигитовали молодые казаки. Читал священник молитву, кропил святой водой воинов да коней. Рапортовал сотник Микола Билый станичному атаману о готовности, отдавал команду, и строй с песней уходил из станицы.

Как один миг пролетели года с того времени.

Возмужал Василь, превращаясь из парубка в славного мужа и воина. И даже в каждом движении молодого казака старик видел себя.

– Справный, добрый казак стал. Гарный хлопец! – кусая седой ус, чуть слышно сказал дед Трохим, провожая взглядом облако пыли, оставленное Василем.

Василь же, чувствуя важность момента, ублажая своего коня нагайкой, уже влетал в станичные пределы, громким голосом возвещая: «Сполох! Сполох!»

Не было лишних расспросов.

Казаки, услышав сигнал тревоги, не раздумывая бросали свои дела, наскоро седлали коней, крепили на поясах у черкесок шашки и кинжалы, приторачивали свои рушники и так же наметом правили коней к окраине станицы, где на своем ахалтекинце горцевал Билый.

От быстроты действий каждого зависел исход: чьи-то жизни, потери. Поэтому никого не нужно было подгонять.

Сотник говорил со станичным атаманом, обсуждая план действий, наблюдая, как стекаются с разных сторон станицы казаки. Оба сошлись на том, что единственный путь, по которому имелась возможность нагнать горцев, был путь через перевал. Чтобы попасть в свой аул с косяком украденных лошадей, черкесам нужно было пройти долиной и обогнуть горный уступ

по излучине реки. Это займет некоторое время. Кроме того – есть еще одно препятствие, заноза для черкесов – малая крепостица с горсткой казаков.

– Говори. – Атаман, перед тем как отдать приказ, всегда слушал подчиненных, ведь одну и ту же каменюку каждый видит по-разному. Такая воинская наука познается через бой.

– Если идти за ними по пятам, то можем не успеть и упустим абреков, – сказал Билый. – Если же идти напрямки, по горным тропам, шансы настичь их врасплох и атаковать с ходу повышаются в разы.

– Согласен. – Атаман кивнул. Сотник вздохнул.

Не удержался старый казак, спрашивая:

– Что тревожит еще тебя? Почему хмур?

– Крепостица там стоит подхорунжего Гамаюна.

– То так! И что? – Атаман нахмурился, сведя густые седые брови.

– Зная нрав казака, могу точно сказать – не отойдет и не укроется, примет бой и станет биться до последнего. Не покинут крепостицу. Черкесы сметут заставу числом. Надо спешить. Не хочу терять ни одного казака, а Гамаюн вообще братом названным приходится – иконами менялись. Тяжело мне и представить такие потери, но чую я неладное! Сердце не обманешь.

– Добро! – коротко ответил атаман. – Действуй! Тебе вести сотню.

На территории для джигитовки, являвшейся и местом сбора, уже стояли все станичные казаки, в основном верхом.

– Станишные, стройся! – зычно отдал команду сотник Билый.

Казаки выровняли своих коней в линию и замерли как литые в ожидании дальнейших распоряжений своего командира. Среди них выделялся своим высоким ростом Василь Рудь, внук деда Трохима, принесший тревожную весть. Его черная длинношерстная папаха с красным тумакон, расшитым галуном крестом, покрылась слоем дорожной пыли. Лицо сурово, как у всех. Собраны казаки в пружины, готовые к бою.

Пылью были покрыты и черкеска и лицо Василя. Конь его, в мыле, переминался с ноги на ногу, находясь все еще в азарте скачки.

Строевые казаки были в основном все женаты и имели опыт в боевых стычках с черкесами. Парубки, те, что держали сегодня экзамен по джигитовке, пороха еще не нюхали, хотя отваги и смелости им было не занимать. В предстоящей погоне каждый из них мог показать то, чему научился в занятиях по военному делу. Но необстрелянных, не видевших врага вблизи, было опасно и неразумно вести с основной группой.

Поэтому сотник решил поделить казаков на два отряда. В первый в основном вошли казаки бывалые, знающие тактику ведения боя не только по учебникам. Этот отряд должен был пройти по горной узкой тропе ускоренным маршем и выйти на опережение черкесов, чтобы с ходу принять бой. Второй, засадный, отряд Билый сформировал из молодых казаков, приставив к ним в руководство с десяток бывалых и опытных станичников. Среди них был Димитрий Рева – опытный пластун, не один раз бывавший в переделках, хамыля¹⁰ по пластам, ходивший за зипунами в черкесские аулы. Чин младшего урядника он получил еще на Русско-турецкой войне, когда привел в расположение русских войск ясыра – турецкого офицера, командира табура из низама. Очевидцы того короткого боя говорили, что казак уничтожил турецкое капральство, а это, почитай, десять рядовых. Но сам же Рева скромно отмалчивался, отвечая на все расспросы: «Воля Божья». Приходилось сотнику сталкиваться с турецким низаном, что в стране далекой считались регулярными войсками, и было в ней больше отчаянных храбров, чем трусов. С таким врагом всегда считались и уважали. Геройство пластуна не осталось незамеченным – чин младшего урядника и «георгий» на грудь. Именно ему сейчас и пору-

¹⁰ Хамылять – бродить, шататься.

чил Микола Билый присматривать за парубками, отдавая на попечение самое ценное станицы, дабы их горячность и стремление показать себя не испортили все дело.

Идти предполагалось по раздельности. Пройдя пикет и последнюю залог, отряды должны были разделиться. Засадный отряд выдвигался по долине, вслед черкесам. Основному же отряду предстояло подняться по горной тропе к перевалу и, перевалив за него, спуститься в ущелье, где и предполагалось атаковать черкесов в лоб.

Сотник Билый махнул рукой:

– Гайда! Пошли! – И казаки в боевом порядке двинулись за своим командиром.

За полчаса вышли к пикету. На вышке, упирающейся острой крышей в голубое небо, нес службу Иван Колбаса – крестный отец Василя Рудя, потомок славного запорожского казака Андрия Колбасы, состоявший куренным атаманом у Чапеги. Иван молчаливо приветствовал станичников взглядом. Как бы и ему хотелось впрыгнуть в седло и бок о бок со своими боевыми товарищами развернутой лавой опрокинуть черкесов в стычке. Но служба есть служба. Ее не выбирают. Самовольство у казаков каралось строго. Иван прошептал «Царю небесный...» и «В руце твои...», перекрестил станичников и еще долго сопровождал их взглядом, пока они не скрылись за грядой валунов.

Проезжая мимо валунов, этого природного нагромождения камней, Билый на мгновение обернулся назад. Окинул взором плавни, знакомые ему с детства; высоченные раины¹¹, словно великаны подпиравшие небо над станицей; излучину Марты, у которой стоял казачий пикет; одинокую фигуру Ивана Колбасы на вышке, смотревшего пристально вдаль и готового при любой опасности не только дать сигнал, но и до последнего дыхания стоять насмерть, каким бы грозным ни был враг; колтычок¹², на котором стояла вышка. Все это родное и близкое для сотника Билого оставалось за его спиной, а он с сотней верных казаков уходил вперед, в неизвестность, чтобы наказать извечных врагов – черкесов.

Чуть позади Билого ехал Василь Рудь. Сотник распорядился, чтобы Василь держался рядом, к тому же Рудь держал в руках дзюбу¹³ с сигнальным флажком. Это накладывало на него обязанности вестового, готового по первому приказу своего командира передать этот приказ дальше по сотне.

– Василь, Реву ко мне живо. Пускай рядом будет.

– Есть!

Сотня двигалась шагом. Лошади осторожно ступали по мелким круглым камням, которыми был покрыт берег реки. Билый намеренно не пускал коней рысью. Одно неловкое движение, и конь мог подвернуть или, что еще хуже, сломать ногу. И тогда пиши пропало. Коня пришлось бы застрелить, а казак из верхового становился пешим, что в их ситуации, когда важна каждая минута, недопустимо.

Солнце вошло в зенит. Полуденный зной от безветрия разливался в воздухе, делая его недвижимым. Лишь горная река, бегущая слева говорливо, словно балакачка, освежала временами своим прохладным дыханием крупы коней и лица всадников.

Горный орел парил у вершины. Гордая, свободолюбивая птица высматривала себе добычу среди вековых скал кавказского хребта. Где-то там, вверху, был перевал, к которому вела узкая тропа, известная лишь казакам. По ней, ширина которой была достаточной лишь для одной лошади, и должна была подняться сотня Билого. Спуск с противоположной стороны был более пологим и выводил почти к окраине черкесского аула, куда гнали украденных у казаков коней черкесы.

Сотник поднял голову, провожая орла взглядом.

¹¹ Раины – пирамидальные тополя.

¹² Колтычок – поляна, лужайка.

¹³ Дзюба – пика по типу запорожской.

«Красиво парит. Словно души готов принимать убиенные, – подумал Микола. – Такой же, как и Кавказ. Гордый, непокорный, бесстрашный».

Вот и последняя залога – небольшой форпост, наблюдательный пункт, с которого при появлении черкесов подавался первый сигнал. Залога была устроена так, что холобуда¹⁴, в которой хоронились два казака, была видна лишь с реки. Да и то было необходимо пристально всмотреться, чтобы различить ее на фоне зарослей ивняка, густо произраставшего по берегам реки. Билый сложил ладони вместе и прокричал сычом. На условный знак на мгновение показалась голова станичника в черной, похожей на пирамиду скуфье с клобуком на запорожский лад. Это был Платон Сусло. Опытный пластун, знавший все плавни по реке и умеющий хамылять¹⁵ по ним даже ночью, ориентируясь на Чумацкий шлях¹⁶ и на собственную казачью чуйку. Кивком головы Платон дал понять, что все спокойно, и вновь скрылся в холобуде. Так, нозирком¹⁷, наблюдали казаки в залоге за тем, что происходит вокруг. При малейшей опасности подавался сигнал на пикет, и на пикете запалили огонь, чтобы дымом сигнализировать в станицу о приближающейся беде.

Здесь, у залог¹⁸, сотня разделилась на два отряда.

Один, во главе с младшим урядником Ревой, состоявший в основном из молодых, необстрелянных казаков, должен был идти долиной. Тем путем, по которому прошли черкесы с косяком казачьих лошадей. Задача была выполнимая. Идти на достаточном расстоянии от черкесов, избегать боя и следить за ними. Вступить в бой лишь только в случае крайней необходимости, когда силы основного отряда, на долю которого выпадает отбить у черкесов лошадей, будут на исходе.

Второй отряд, ведомый самим Билым, должен был пройти козьей тропой через перевал и, спустившись по пологому склону в ущелье, встретить черкесов в лоб и завязать бой. Нахрапом, не давая варнакам¹⁹ опомниться.

Сотник знаком показал младшему уряднику сблизиться. Димитрий подъехал. Микола уточнил еще раз детали поставленной задачи.

– Вопросы?

– Все понятно, господин сотник!

– Добре. Береги хлопцев, Димитрий, – сказал на прощание Билый. – Не допусти лишнего, а то останемся без молодежи!

И не приказ то был, а наказ, к которому пластун отнесся с пониманием:

– Гарные парубки, або не стреляные. Горячие. Лякаться²⁰ не будут, но и коньки вкэдать²¹ могут. Этого нэ трэба. Все сделаю. Добре, Микола, – ответил Рева. – Не сваландим²². Улагодым²³ с Богом.

– С Ним и поезжайте. С Богом! – напутствовал Билый и перекрестил отряд.

Сотня разделилась.

Рева повел своих по следам черкесов через долину. А Билый с основной частью отряда взял направление на перевал. Через несколько минут казаки, ведомые младшим урядником, скрылись из виду меж скал ущелья.

¹⁴ Холобуда – шалаш.

¹⁵ Хамылять – бродить, шататься.

¹⁶ Чумацкий шлях – Млечный Путь.

¹⁷ Нозирком – скрытно, издали.

¹⁸ Залога – казачий небольшой наблюдательный пост.

¹⁹ Варнак – бандит.

²⁰ Лякаться – бояться.

²¹ Коньки вкэдать – вести себя вызывающе.

²² Сваландать – сделать абы как.

²³ Улагодыть – уладить.

Билый дал команду спешиться двум казакам и разведать тропу, ведущую на перевал. Казаки Карабут Осип и Деркач Степан спешились, отдав поводья своих коней товарищам, и, сливаясь с камнями, скользнули к подножию горы. В своих черных черкесках и папахах они были похожи на двух черных ящерок, ползущих по камням, освещенным яркими солнечными лучами. Прошло минут десять. Казаки вернулись с докладом.

– Тропа свободна. Могем идтить. – Разведка прошла успешно, без происшествий.

– Добре, – сотник кивнул, – нет засады впереди, пластуны бы обнаружили.

Билый направил коня к подножию горы, и вскоре уже вся сотня подымалась шагом по тропе, ведущей к перевалу. Шли тихо, не балакая²⁴. Было слышно, как внизу шумит река, перекатывая своим течением небольшие камни. По сторонам тропы фиолетовой краской отливал горный чабрец. Аромат его мелких цветков приятно щекотал нос. Далеко впереди скакнула и скрылась за камнями горная коза. Высоко в небе все еще парил орел, сопровождая казаков, словно символ предстоящей победы. Природа жила своей жизнью. Что ей до людей. Они лишь щепки в море мироздания.

²⁴ Балакачка – язык кубанских казаков.

Глава 3

Деды

3.1

В светлой горнице, где все окна занавешены белыми короткими шторками, мирно тикали ходики. Живые черные глаза нарисованного кота косили в разные стороны под ритм отбивания каждой секунды. Сонная муха сидела на подвесной гире, имея твердое намерение начать ползти по длинной цепочке, но отвлеклась и занялась умыванием лапок.

В комнате прохладно, умиротворенно и непривычно тихо.

Марийка, уже переодетая и чистая, неслышно вошла в хозяйский дом, ступая босыми ступнями на чистые выскобленные дубовые половицы, стараясь не наступить на плетеные разноцветные половички-дорожки. Перекрестилась на красный угол. Встала, не смея очи поднять.

За столом, у большого позолоченного самовара с перекинутой по корпусу небрежной ниткой свежих баранок восседал безногий Федор Кузьмич. Крепкий казак для своих лет не считал себя инвалидом или стариком, и хоть и кудри поредели и на затылке появилась плешь – натренированное тело оставалось по-прежнему молодым, а дух бодрым. Кузьмич молча вертел баранку в руке и строго смотрел из-под сидящего чуба. Глазирванная сдоба блекла, теряя блеск в пальцах-клещах.

Тишину нарушали ходики.

И хоть и прохладно было в горнице, Марийка сразу взмокла, тревожась с каждой секундой все больше: сердце заходило ходуном, а горло словно пальцы-клещи сдавили – дышать стало трудно до невозможности.

Баранка в руке Федора Кузьмича замерла, и сердце девушки остановилось. Хозяин имел суровый норов и строго наказывал и за менее важные проступки. Марийка бы заплакала, если бы оставались слезы.

В опаленное солнцем окно, оттого горячее до невозможности, ударились муха и тихо зажужжала, путаясь в горшках с зелеными мясистыми и колючими листьями алое.

– Иди, – тихо сказал Федор Кузьмич.

Марийка встрепенулась, поднимая голову.

– Что? – еле слышно спросила.

– Ступай, – сказал казак и как-то сразу сдулся, старея на глазах. Баранка в его кулаке хрустнула, стираясь в порошок. Марийка кинулась вперед к лавке, упала на колени и уткнулась головой в культы ног. Поднял руку старый казак, но, видя, как содрогаются плечи девушки, осторожно погладил по голове, поправил съехавший платок.

– Ступай, – прошептал хозяин. – Скажи, чтобы бричку готовили. Съездить надо. Помочь людям да посмотреть на место убиения.

3.2

Дед Трохим со стариками, проводив станичников, не торопясь направились к станичному майдану²⁵. Было о чем побалакать по-стариковски и вспомнить свою боевую молодость.

²⁵ Майдан – площадь в станице перед атаманским правлением.

– Воны ж усе рослы на глазах станицы. Старики и начальство бачили, як пацаны и вер-
хами управляются, як учатся с рушници²⁶ палить. Як шашкой кострычат²⁷, – сказал первый
балагур станицы и любитель побрэхэнек²⁸ дед Трохим. За веселый и неунывающий характер
были рады ему в каждом доме, и редкое застолье обходилось без столь именитого казака –
каждый считал своим долгом усадить дорогого гостя в центр стола и, чего греха таить, пере-
пить. Только не родился еще в станице достойный соперник для деда. Пил он много, но пьянел
редко. Такую особенность легко объяснял:

– Надо знать, что дьяволу продавать.

– Душу? – выдыхал кто-то из слушателей.

– Ага, душу, – передразнивал его тогда дед Трохим. – Печенку, сынку! Печенку!

– Погодь, деда, так ты и дьявола видел?

– Да как тебя, хлопчик!

– Ну, Расскажи, Расскажи! – И начиналась бесконечная байка. У всех глаза горели, а дед
Трохим знай посмеивался в усы.

– Да брешишь ты все, диду! – не выдерживал кто-то из сильно захмелевших гостей за
столом. На него шикали, били локтями, наступали на ноги, пытались всячески заставить умолк-
нуть и не обидеть старика. Но тот не сердился, наоборот, смеялся еще больше, приговаривая:

– Брежут собаки у калитки. А я правду балакую. Не веришь? Поди да проверь!

Шагая к майдану, некоторые из стариков держали в руках резные батоги, опираясь на них
при ходьбе. Солнце разогрело воздух, щедро заливая своими лучами станицу Мартанскую и ее
окрестности. Отяжелевшие от нектара пчелы, жужжа, летели к ульям, возвращаясь от луговых
цветов. Пахло медом и разнотравьем.

– А вот ты внуков своих считал, Трохим?

– Внуков-то? А зачем? – Казак даже сбился с неспешного шага.

– А я считал! Восемь у меня их! То-то! Важнее меня, выходит, никого нет. Буду я вами
верховодить в новом году.

– Тю, дывись, какой важный, – протянул дед Трохим, – да я внуками считаю всех в ста-
нице, кто меня дедом кличет. Вот то количество так количество!

– Так уж и всех?

– А чего? Может, яка стара бабка открыла правду своим детям, а те своим. Так вот вну-
ками и обрастаешь, – назидательно проговорил старик, пряча очередную лукавую улыбку в
усах и бороде.

Против такого и возразить нечего. Вздыхали спорщики. Снова уделал их Трохим.

Несмотря на духоту, никто из стариков не снял черкески или папахи. Уважению к одежде
казаки учились с детства. Как повелось по традиции и передавалось поколениями.

Одежду они воспринимали как вторую кожу тела и всегда содержали в чистоте, не позво-
ляя себе никогда носить чужую одежду. Папаху же снимали вообще в редких случаях: в церкви,
дома и перед сватовством, когда молодой казак бросал папаху в палисад своей суженой. И если
казачка выносила папаху и отдавала в руки казаку, то свадьбе быть.

Взбивая подошвами своих мягких ичиг дорожную пыль, старики размеренным шагом,
как и подобает людям их возраста, приближались к станице. Пыль оседала на передах и холявах
их сапог. Батоги негромко, в такт шагам, стукали по станичному шляху. Вот и первые хаты.
Старики остановились для небольшой передышки. Несмотря на почтенный возраст, они были
еще достаточно крепки. Их глаза все еще по-молодецки искрились, а во взглядах таились честь

²⁶ Рушница – ружье.

²⁷ Кострычить – рубить.

²⁸ Побрэхэнька – байка.

и отвага. Со стороны они были похожи на те несгибаемые, крепкие раины, что росли вдоль красного шляха – центральной улицы станицы.

– Туман яром, туман долиною... – донеслось до слуха стариков. Мимо них на длинной арбе, запряженной двойкой лошадей, проехали несколько казачек. Их головы и лица покрывали кутолки. Платок этот казачки повязывали специально для полевых работ, закрывая голову и лицо, так что оставалась лишь узкая полоска для глаз. Тем самым уберегая себя от обилия южного солнца и пыльного ветра. Через свободную, узкую полоску ку-толки можно было разглядеть искрящийся, с нотками строгости, дерзкий и колющий взгляд. Как говорили казаки, жоглый погляд.

«А глаза казачек. Что это за глаза! Они словно большие вишни, с жарким огоньком бездонной души. – Дед Трохим зажмурился, вихрем уносясь в беспокойную молодость. – Такие женщины поистине могли остановить не только коня на ходу, но и добрую сотню басурман, что случалось в истории казачьего народа не раз».

На плечах казачек, пока казаки были заняты военным походом, лежало все хозяйство. Не только свое личное, но и общее, станичное. Вот и сейчас, трясаясь в арбе и тихо напевая старинную казачью песню, казачки держали путь к станичной бахче²⁹. На летней жаре арбузы быстро наливались спелостью. Нужно было прибирать, чтобы урожай не пропал.

– Прыхыльно спивают, – заметил дед Трохим под одобрительное кивание остальных стариков, крутя по-молодецки седые усы. Даже батог захотелось в высокий бурьян закинуть, но лишь распрямился, расправив плечи.

– Внученьки, – зацокал Егорыч одобрительно языком. И куда сонливость девалась? Ведь два дня молчал! И не вздыхал даже, а тут расцвел и отмер. Старик-балагурщик посмотрел на долговязого друга детства и хмыкнул, увидев, как тот утирает скупую слезу радости.

– Здорово живете, бабоньки! Кудысь поспешаете? – поприветствовал Трохим казачек.

– Слава богу, дидо! И вам того же! До бахчи идэмо. Кавуны поспели. Трэба збирати, – ответила правящая конями Акси́нья Шелест.

– Вот то дило!

– Бог в помощь, красавицы! – дед Трохим по-молодецки подмигнул Акси́нии – оно и понятно, война войной, а про бабонек забывать нельзя. Шелест, не удержавшись, прыснула от смеха, покачала головой и крутанула конец длинных вожжей, пугая лошадь, а заодно и шальные мысли деда.

– И вам не хворать, дидочки.

– Аж кровь забури́ла, – признался старик-балагур сотоварищам, когда подвода отъехала, скрипя колесами. – Полвека скинул сразу.

– Да шо там полвека! Как заново родился! – Егорыч попытался присесть, но передумал. Снова тяжело вздохнул. Трохим не дал скучать, застучал батогом, привлекая внимание:

– Сейчас еще заспиваем в теньке, забудешь все печали.

– Казачек наших краше нэма, поэтому и забури́ла. Кудыть там хохлошкам! И вытрындыкувать горазды, и работать добре, – подхватил сосед деда Трохима по улице Гаврило Кушаренко, худой старик с окладистой бородой по пояс. На солнце под длинными выбеленными волосами на груди поблескивали серебряные старинные медали. Первый герой станицы – никто такого количества больше не имел.

– То так, – важно согласился Егорыч, степенно дубовой палкой ковыряясь в пыли шляха. – Но, кажись, бабка твоя, первая жена Филимона, турчанкой была? Ась?!

Кушаренко грозно глянул из-под ветвистых бровей:

– Не турчанкой! С Персии ее дед привез, с похода дальнего. Любил сильно.

²⁹ Бахча – плантация арбузов или дынь.

– Мабудь, от той любви она и умерла? – подсказал дед Трохим, скрывая хитрую улыбку и ладошкой оглаживая бороду.

– То дело прошлое и нам скрытое. Девки же наши станичные не чураются мантулыть³⁰, работая и за себя, и за нас, казаков. И, даже ухайдакавшись, не помышлят сваландать³¹. Крепкий тыл нам, казакам. Вот про шо я. Храни их Бог.

– Добрэ гутаришь, шабэр³². Без казачки казак – сирота, – согласился дед Трохим, кивая, в мыслях уже режа кавун сладкий, принесенный с погреба. Вздохнул печально.

И остальные старики, думая также каждый о своем, смотря вслед удаляющейся арбе с казачками, одобрительно закивали седыми головами, покрытыми черными длинношерстными папахами.

Егорыч внимательно посмотрел на Кушаренко:

– А я слышал, что дед твой тайком отвез ее обратно в Турляндию.

– Да с Персии она была! – в сердцах выкрикнул дед Гаврило.

– Что дед твой так ее любил, что сердце его сжималось, когда он смотрел, как она мучается, тоскуя по Турляндии своей. Вот и отвез. Так старики в то время гутарили.

– Так с Персии ж, – задохнулся в негодовании Кушаренко. Дед Трохим похлопал его по рукаву успокаивающе.

– Глуховат наш Егорыч на ухо, не злись, Гаврило. Бомбардиром же был. Забыл, что ли?

– Кто глуховат? О ком вы? – вскинулся Егорыч, весь подбираясь и беспокоясь. – Никак ты, Трохим, заплыхел?

– Хай им грэць³³! Не дождетесь!

Передохнув, старики потепали дальше. Летний зной одолевал, а на майдане, усаженном тополями, было где укрыться от полуденного солнца. Высоченные раины давали обильную тень, и под ними, на завалинках, можно было отдохнуть и вдоволь наговориться, благо новостей хватало.

Майдан³⁴ пустовал. Казаки были в походе, казачки работали. Ватага малых казачат, сгуртовавшись³⁵, играли в чижа. Водил Сашко Молибога – внук Трохимова баджанаха³⁶ Парфентия Молибога. Он ловко подбрасывал оцупок³⁷ и ударял по нему батоном³⁸, не оставляя шанса своим товарищам поймать деревянный брусочек. Улочка наполнялась звонкими криками ребятни.

Старики расселись на завалинке, утирая влажные от пота лбы.

– Сашко! – позвал внука Молибога дед Трохим. – Иди сюда. Драголюбчик³⁹, будь ласка⁴⁰, принеси холодного квасу.

Сашко без тени сожаления побежал домой выполнять просьбу деда Трохима. Бросив по пути игравшим товарищам:

– Грайтэ покамэст без мэнэ. Я швыдко⁴¹.

³⁰ Мантулыть – выполнять долгую и тяжелую работу.

³¹ Сваландать – сделать абы как.

³² Шабэр – сосед.

³³ Хай им грэць – будь неладен.

³⁴ Майдан – площадь в станице перед атаманским правлением.

³⁵ Гурт – небольшая группа.

³⁶ Баджанах – свояк, муж сестры

³⁷ Оцупок – деревянный обрубок, брусочек.

³⁸ Батог – деревянная палка

³⁹ Драголюбчик – дорогой.

⁴⁰ Будь ласка – пожалуйста.

⁴¹ Швыдко – быстро.

Старики ж тем временем завели разговор о событии, всколыхнувшем мирную жизнь станции.

– Як там хлопцы наши? Чи дошлы, чи ні? – задумчиво произнес Гаврило Кушнарченко, оглаживая бороду.

– Гарны казаки повыврастали. Добрые, – вставился Егорыч.

– Воны ж усе рослы на глазах станицы – не посрамят, – протянул дед Трохим.

– То так. Хотя и всё у них и думки и отвага и булгачить добре могут, и в плавнях як в хате ридной, або молодые еще, не стреляные. Вот и турбуюсь за них, – продолжал дед Кушнаренко и запечалился, глаза заслезились.

– Нелякайся⁴², шабэр⁴³, – глубоко вздохнув, ответил дед Трохим. — Конь не выдаст, вар-
нак⁴⁴ не съест.

– То так, – согласился Гаврило, – но тревожно мне на душе. Ноет подлюга.

Слово за слово, разговорились старики.

Вспомнили свою лихую молодость. Как хамыляли⁴⁵ по пластам в плавнях, как били черкеса, наказывая за безграничную наглость, как несли нелегкую службу на чужбине, как дневали и ночевали в залогах и на пикетах, охраняя покой родной земли. У каждого из них было что вспомнить. Не торопясь, гутарили выдавшие виды, но все еще крепкие воины. Казаки рождались на седлах, на них же и уходили в мир иной. У каждого из стариков среди ушедших в поход казаков был родственник. Сын, внук, брат. Да что там мудрствовать лукаво. Каждый из станичников был другому побратимом. Не один пуд соли съели они в делах ратных. И радость, и печаль делили поровну на всех. И если журились-сумувались⁴⁶, то всем миром, станишно. Ну а если уж вытрындыкувать⁴⁷, то также всей станицей.

Сашко принес ведро холодного квасу и пиньдюрку⁴⁸. Разговор пошел веселее. Вспомнили за старину.

Дед Трохим, осушив пиньдюрку освежающего домашнего кваса, отер усы и привычно запел тихим зычным голосом:

Ой, тысяча семьсот девяносто першому року,
Ой, прийшов указ вид нашей царицы
с Петрограду городу,
Ой, щоб пан Чапыга, ще пан Головатый
Збирав свое вийско, вийско Запоризьско
тай пидвинув на Кубаню,
Ой, буватэ здоровы вы, Днепривство наше,
Ой, бувайтэ здоровы вы, курэни наши,
вам тут без нас развалывся,
А мы будэм пыти, пыти ще гуляти.
Распроклятых басурманив
По горам-скалам гонять,
по горам-скалам гоняти.

⁴² Лякаться – бояться.

⁴³ Шабэр – сосед.

⁴⁴ Варнак – бандит.

⁴⁵ Хамылять – бродить, шататься.

⁴⁶ Журиться-сумуваться – печалиться-грустить.

⁴⁷ Вытрындыкувать – петь, плясать.

⁴⁸ Пиньдюрка – небольшая чашка.

Гордо звучала старинная песня, которую пели пращуры черноморцев – запорожские казаки, была она своеобразным напоминанием о лыхых годинах, выпавших на долю славных запорожцев, которых насильственно лишили родной земли. Но не лишили природной гордости, чести, свободы. Эта свобода вольных детей Запорижского степу словно искра поселялась в душе каждого новорожденного черноморского казака и разгоралась ярким огнем в ту пору, когда подпарубки становились казаками.

– Добрая писня. Правда в ей. Козаки, шо мы, шо диды-прадеды наши, як та кость у горле царям тай влады их поперед булы, – сказал с нотками недовольства в голосе дед Гаврило.

– Правда, – согласился Егорыч. – Так у козакив по паланкам зэмлю ж Катырына одибрала тай роздарыла своим фаворитам, колонистам немцам, сербам. Черноморському вийску дали зэмли на Бугу. Там им було мало. Ну и рышылы идты у Чорноморию.

– Та хай ей грэць, тий Катке з ее фаворитами! Да и усим иншим правителям! Козаки лишь Богу кланялись та атаманов слухали. Добрый козаке баче, где атаман скаче, – в сердцах выпалил дед Трохим, хмурясь.

– Правда твоя, Трохим. Плакать не смею, слез не мае, а журиться не велено, – заметил шабэр Трохима Кушнаренко.

– Не сумувайтесь, козаки. Собором черта наши предки бороли, да и мы поборем. По правде и сила. А правда на нашей стороне, – сказал молчавший доселе Иван Тонконог, самый старший из всех станичных стариков. В спор он до этого не вступал, наблюдая, как тешатся «молодые», но тут разговор тронул за живое.

– Оттож, Иванко. Бог не без милости, казак не без щастя, – вставил свое слово дед Трохим и подытожил: – Куда казака доля ни закине, все будэ казак. Ежели за правду горой, то и люди за ним. Коли все громадою дохнути, то и панятко сдохне. А кто от товариства отстане, нехай от того шкура отстане.

Повздыхали старики за старое, за Днепривство дидовское да за указы царицы москальской. Выпили еще кваску, передавая друг другу пиньдюрку, да и замолчали в своих думах.

Жила еще в сегодняшних черноморцах душа запорожская, душа вольная. Суховеем гре-тая, ковылем седым ласканная, в котлубанях степных купанная. Душа свободная. Не покорившаяся ни бусурманам, ни царям. Служили лишь Богу да Сечи родной.

Сечь была основана на днепровском острове Хортица волинским князем Байда Вишневецким в тысяча пятьсот пятьдесят третьем году и стала мощной военной организацией, настоящей казацкой республикой во главе с Сече-вой Радой и своим уставом – Уставом Запорожской Сечи.

Сечь защищала южные рубежи Российской империи и особенно нужна была из-за набегов опасных соседей – крымских татар и польско-литовских шляхтичей.

«Облачусь пеленой Христа, кожа моя – панцирь железный, кровь – руда крепкая, кость – меч булатный, быстрее стрелы, зорче сокола, броня на меня, Господь во мне. Аминь!» – молитва запорожских казаков, которую они читали перед тяжелыми битвами.

Когда крымским татарам был дан достойный отпор, их набеги прекратились. Крымское ханство было полностью разгромлено, Екатерина II решила переселить казаков на Кубань. Это было одной из трагических страниц в истории казачества. Третьего июня тысяча семьсот семьдесят пятого года указом императрицы Запорожское войско было ликвидировано.

Кошевой атаман Петр Калнышевский был заточен в монастырь, судья Павел Головатый и есаул Сутыка взяты под стражу и отправлены в ссылку. Началось насильственное переселение казаков. Судьба Сечи была предрешена. Часть запорожцев после уничтожения Сечи бежала в Турцию, создав там Задунайскую Сечь, просуществовавшую до тысяча восемьсот двадцать восьмого года.

Территориальная политика Российской империи приобрела ярко выраженную тенденцию к закреплению приобретенных земель путем создания на них мощных опорных пунктов,

крепостей и укрепленных линий. После присоединения Правобережной Кубани к России началось планомерное заселение края казаками.

Военная казачья колонизация была испытанным средством, применявшимся имперским правительством при занятии и освоении новых территорий. Российская империя без особого стеснения использовала казаков в своих целях. Формирование Кубанского казачьего войска после ликвидации колыбели запорожских казаков – Сечи, шло не только насильственным переселением запорожцев на новые земли, но и оказачиванием малороссийских и русских крестьян.

Чего не могли не только понять, но и принять казаки, к тому же всегда негативно относившиеся к иногородним, называя их мугарями, гамсэлами, кацапами. «Казака мати родила, мужика – женка, а чернеца – паниматка».

Исходными этноопределяющими кубанского казачества выступили два компонента: русский и украинский. Но черноморцы, бывшие запорожцы, говорили: «Мы пэрэвэртни. И не совсэм русские, и не совсэм украинцы, но и то и другое вместе».

Черноморцы, как и их славные предки запорожцы, часто переживали одну пору невзгод за другой. И пережили они только благодаря духу единства, проникавшего в казачью среду. И как ни тяжело казакам было бросать уже насиженные забугские места, но они предпочитали лучше совсем переселиться на Кубань, лишь бы сохранить свой старинный казачий уряд. «Что будет, то будет, а будет то, что Бог даст», – порешила войсковая рада. Но и на новых землях черноморцы старались соблюдать уклад сечевой жизни. Это виделось во всем – и в облике станиц, и в облике самих черноморцев.

– «Казаку не втекти вид Сичи. Наш Луг – батько, а Сичь – мати. От де трэба помирати», поговаривали в старину деды наши, – поправляя папаху, сказал дед Трохим. Сказал и запел медленно, протяжно:

Казак полночку рвал да в огоне чек он клал.
В огоне чек он клал да все растапливал.
Свои раны с молитвой да перевязывал.
«Уж вы, раны мои, да раны порванные,
Раны кровью залиты да на земле турецкой».
Перед смертью он и коню наказывал:
«Уж конь мой, конь, товарищ мой,
Ты беги ей-ка, мой конь, ой да не стрелой, а домой.
Ты скажи-ка, мой конь, да что остался с другой.
Поженила меня да пуля быстрая.
Повенчала меня да сабля вострая.
А постель-ка – да мать сыра земля.
А подушка у меня – да зеленая трава.
Одеяло мое – да небо синее».

Петь дед Трохим умел очень красиво. Окромя этого одарил Господь его талантом стихи да байки складывать. Но не до них было сейчас. Слушали старики песню да за станичников, в поход на басурман⁴⁹ ушедших, думали. Непокойно было на сердцах у славных вояк. Хотя и привычным делом было черкеса воевать, но каждый раз, провожая казаков, прощались, кубыть в последний раз виделись.

Такая уж традиция зародилась у этих вольных воинов в незапамятные времена. «Станичники казаков снаряжают, что в могилу провожают». Казачья служба полна неожиданностей

⁴⁹ Басурман – в то время так называли всех тех, кто был не православной веры.

и реальной опасности. Никто не знал, вернется ли казак из похода или душа его к Господу отлетит в станицы небесные.

– Сашко, – снова позвал дед Трохим казачонка, – слетай-ка, драголюбчик, до мамки, хай нас, стариков, чихирьком⁵⁰ побалуе. Зажурылись⁵¹ мы часом.

Сашко не стал кондрычиться⁵², а как кубаристый байбак⁵³ побежал до хаты и уже через минуту принес небольшую макитэрку⁵⁴, наполненную светло-красным молодым вином.

– Мамка вам, дидо, «на здравие!» передала, – весело крикнул Сашко и умчался вновь гонять чижа с другими казачатами.

Стариков в станице уважали. Их просьба, совет, наказ всегда исполнялись безоговорочно. Это была вековая традиция.

Уважение к старшему прививалось в семье с ранних лет. Дети знали, кто из них в отношении кого старше. Старшинство испокон веков являлось жизненным укладом казачьей семьи и естественной необходимостью повседневного быта, что скрепляло семейные и родственные узы и помогало в формировании характера, которого требовали условия казачьей жизни.

Все в станице от мала до велика отдавали старикам дань уважения к прожитым годам, перенесенным невзгодам, казачьей доле, наступающей немочи и неспособности постоять за себя. «Перед лицом седого вставай, почитай лицо старца и бойся Бога своего».

– Будьмо, казаки! – сказал дед Трохим, отпивая хмельного чихиря из макитэрки и передавая братину дальше.

Слегка захмелев, повеселели диды.

– Трохим, шабэр мий драголюбий, ты ж гарный спивак. Дай так, шоб было по-нашему, по-козацьки, прыхыльно! – брякнул Гаврило Кушнарченко, ногой притопывая. Деда Трохима два раза просить не пристало. Выпрямив спину и блеснув своим орлиным взглядом, он тут же запел:

Ой на гори тай жени жнуть,
А попод горою ярм-долиною казаки йдуть
Гей долиною, гей широкою казаки йдуть!
Попереду Дорошенко веде своє вийсько,
Вийсько запоризьке хорошенько,
Гей долиною, гей широкою хорошенько!
Посереду пан хорунжий, пид ним кониченько,

Пид ним вороненький сильно дужий,
Гей долиною гей широкою сильно дужий!
А позаду Сагайдачний, що проминяв жинку
На тютюн та люльку, необачний,
Гей долиною, гей широкою, необачний!
Гей вернися, Сагайдачний,
Візьми свою жинку, виддай тютюн-люльку, необачний,
Гей долиною гей широкою, необачний!
З жинкою в походи не возиться,
А тютюн та люлька казаку в дорози знадобиться!

⁵⁰ Чихирь – молодое виноградное вино.

⁵¹ Журыться – печалиться, тужить.

⁵² Кондрычиться – капризничать.

⁵³ Байбак – степной сурок.

⁵⁴ Макитэрка – глиняный сосуд с широким горлышком.

Гей долиною, гей широкою, знадобиться!
Гей хто в лиси отзовися,
Та викришем вогню, та затягнем люльку, не журися!
Гей долиною, гей широкою, не журися!

Согнали старики грусть-кручину с души. Побалакали за свою лихую казацкую молодость. Словно вновь оказались верхом на боевых конях и с пиками наперевес наметом шли своей знаменитой казачьей лавой на врага. Из огня да в полымя и обратно. Такова суровая, но вольная жизнь казаков. Детей привольной степи.

Солнце катилось к вершинам дальних гор, сменяя полуденный зной на приятную легкую прохладу приближающегося вечера. Старики стали прощаться и расходиться по своим хатам. Станица продолжала жить своей размеренной жизнью. «Казак живэ не тем, шо є, а тем, шо будэ».

3.3

Марийка не спешила покинуть бричку – легкую конную повозку, использовавшуюся для перевозки людей и грузов. Кони, кровь чуя, фыркали, переступали с ноги на ногу, но с места не сдвигались – приучены, – оставаясь в тени деревьев. Кузьмич, восседая на кожаном сиденье, горбился и трубку курил, не прогоняя. Взгляд казака цепко осматривал местность, и хоть закончилось все давно, просчитывал он чужую засаду, обдумывал действия.

Вон там, под деревом, где сейчас люди толпились, и началось все. Как в подтверждение, кто-то из баб заголосил, и два дюжих примака, подхватив с двух сторон окровавленное тело в исподнем, поволокли убиенного к телеге.

«Михайло», – подумал Кузьмич и затаился, шурясь от едкого дыма. Кони снова заволновались, и бричка дернулась, но не сдвинулась с места. «Отпел, значит, свое. И за парубками не уследил». Не было злости и гнева в мыслях простых. Смотрел казак на мостки, на корзины перевернутые. Не видел белья, но не удивился, и уплыть могло, и черкесы могли забрать.

– А Марфа-то не уплыла, – вслух сказал Кузьмич. И Марийка сжалась вся, боясь лишний раз пошевелиться и напомнить, что дочка хозяйская плавать не умела.

Бабы снова заголосили, найдя в жухлой траве очередного порубленного парубка. Не удалось абрекам и этого в полынь взять, Кузьмич понимающе кивнул: пластуны в плен не сдаются, в каком бы возрасте ни находились.

Глава 4

4.1

Вестовой Пашка Кочубей, загнав коня и бросив его в ущелье, теперь карабкался по кручам каменных глыб, сокращая расстояние. Мысль была одна: успеть в крепостицу и принять наравне с другими бой. Приказной Рудь, удачно встретившийся на шляхе, доставит донесение Гамаюна дальше, передаст по цепочке, а у него другая доля. И пусть подхорунжий потом распекает, но кто знает, может, как раз без его, Пашкиного, выстрела не обойдутся: Кочубей, вчерашний парубок, а ныне молодой казак, уже сбивший пух и отращивающий первые усы, славился не только навыком лазания по таким отвесным каменным стенам на пальцах, но и умением виртуозно стрелять.

Меткость та от Бога была, стрелял на чутье с далеких расстояний и редко мазал, чем удивлял даже более опытных товарищей.

Преодолев очередную гряду, Пашка волчьим скоком поднялся до следующего уступка, пересекая колтычки⁵⁵, и поднял голову, оценивая стену. Темная, она дышала холодом камня, спрятанная в естественной тени от солнца. Естественный вековой глянец местами покрылся трещинами и был выбит крохотными ямками. На них вся надежда. Высоко в небе парили в большом круге два орла. Далекие, они походили на крохотные черные точки. Казалось, орлы прочитали мысли человека и теперь, не веря, кружили, подстегнутые интересом. Что же ты предпримешь, двуногий? Насколько ты безрассуден? Утомился бы, что твой выстрел? Кому он нужен?

«Нужен! – думал молодой вестовой, не гоня упрямые мысли. – А что, если Гамаюн специально меня отправил из крепостицы, как самого молодого? Ведь мог любого! И хоть вестовой для таких поручений и нужен, но при осаде ему бы стрелок лучше пригодился. Так успею. Я должен!»

Кочубей вздохнул, справляясь с дыханием. Можно обойти и потерять драгоценные несколько часов, но если подняться по этой вертикали, то крепостица внизу станет видна как на ладони. Нет времени для раздумий: время потеряешь, а там ночь придет – в горах быстро темнеет. И не так прогулка ночью страшна, как страх опоздать.

Пашка замер, прислушиваясь, успокаивая сердце, и начал раздеваться, снимая с себя лишнюю одежду и амуницию. Шашка и кинжал точно не пригодятся, патроны же все забрал, забив кармашки патронташа до отказа. Повесил за спину, на другое плечо винтовку перекинул, подогнал ремни, – не улететь бы с таким грузом вниз. Хотел и свиные чуни скинуть, но босиком по горным тропам не пробежишься потом, когда стену преодолеешь. А скорость по-прежнему важна будет.

4.2

Сколько надо продержаться? Вестовой горными тропками ушел к своим, и если не убьют парня, то быстро доставит донесение – проворен казак, да и местность знает как свои пять пальцев. Такой и коня потеряет, и если голову не свернет, то обязательно доставит весть, пускай хоть бежать придется.

⁵⁵ Колтычок – лужайка.

В лагере сборы недолгие – один молодняк не погонят, сполохом всех соберут и двинутся. И тут первая печаль: где один прошел, там сотня вряд ли быстро сможет. Тропы не те, скорость не та, шуметь нельзя – обвал можно вызвать, завалит тогда камнями, и не станет тогда помощи. Не станут так безрассудно рисковать.

«Значит, до вечера! – подумал подхорунжий и погрузился еще серьезнее. – А если не успеют, то в горах заночуют, и тогда только к завтрашнему дню ожидать». Казак сжал зубы. Наверняка Билый скажет потом, что надо было отходить и ховаться в плавнях, ожидая прихода основных сил. Но вот в чем вопрос.

Сам бы сотник так поступил?

Нет.

А кто бы так поступил? Кто ховаться в плавнях станет, бросив пост?

Никто.

«Завяжу бой, а потом посмотрим, кто кого. Может, Билый вышлет вперед удальцов, может, одиночки подтянутся какие. Главное – выиграть время!»

Подхорунжий знал: все так думают, казаки верят в локоть товарища, никто никого никогда не бросал. Главное – продержаться как можно дольше, дать увязнуть абрекам в драке. Пока с крепостицей не разберутся, табун вряд ли погонят через брод, не станут так рисковать лошадьми. Первые попытаются снести заслон крепостной, наверное, думают, что и нет тут никого. Ведь, по здравому смыслу, можно и отойти.

Можно.

Подхорунжий усмехнулся. Натянул папаху глубже, по уши, стал руку приподнимать, готовый отдать приказ канониру. Пальцы нежно поглаживали ствол винтовки Пибоди-Мартини. Ласточки с шумом вылетели из гнезда под крышей землянки, делая вираж на солнце. Проводил взглядом полет, выдохнул.

Казаки молча тоже ждали, тщательно выцеливая противника.

Гамаюн резко махнул рукой, выкрикивая:

– Пли! – Мортира рывкнула, канонир разжал уши, прищуриваясь и оценивая попадание. Знатно ли осыпало картечью абреков? Сколько полегло? В оседающей пылюке барахтались подбитые лошади, подминая под себя всадников. Мало: две-три. Надеялся больше разглядеть.

– Залпом, пли! – секундой позже отозвался урядник. Сухой треск слился в один залп.

– Ховайся! Живо! – Гамаюн уже не смотрел, как канонир укрывается в землянке, вскинул винтовку к плечу, ловя цель на мушку. Спустил курок. Абрек слетел с седла. Этот больше не будет ходить в гости. В ответ начинали беспорядочно стрелять, и подхорунжий поспешил укрыться за бревенчатой стеной. Пули тут же расщепили дерево рядом. Надо менять позицию.

– Зараз. Зараз, – бормотал сам себе Гамаюн, на миг выглядывая из-за угла и вылавливая из клуба пыли новую цель. «Много диких, нельзя мазать!» – на мушке запрыгало искаженное заостренное лицо, взял ниже, целясь в грудь, выстрелил и промазал – в последний момент дернулся под горцем конь, и пуля в шею животному угодила. Практически не целясь, на чутье стреляя, услал еще две пули, одну за одной, без паузы.

Звук прорезался, оказывается, от рева мортиры уши заложило. Трескотня выстрелов, крики, ржание. Абрек кубарем слетел с раненого коня, ловко перевернулся, вскочил невредимый из пыли, уцепился за стремя мимо мчавшегося скакуна и побежал к плетням дальше, вытаскивая на ходу револьвер.

Новая пуля растряхнула бревно, и дерево жалобно завибрировало, загудело, принимая в себя свинец.

Гамаюн на секунду прикрыл глаза, пытаясь проморгаться от мелких песчинок, что нещадно глаза кололи, и увидел смерть Митюхи Червоного – сразу несколько пуль в того угодили, так и уткнулся лицом в ложе, целясь во врага в последний раз. Был казак – и нет казака. Подхорунжий зажмурился, мысленно читая молитву, выдохнул, вынырнул. Сразу на мушку

горца очередного поймал, спустил курок. Вылетел абрек из седла. На движение среагировали, и тело, пулю словив, дернулось резко вправо, разворачиваясь. Обдало бок горячим. Пластун, плотно губы сжав, быстро перезарядился. «Думал, дольше продержимся, повернут изувурги, а оно вона как оказалось – отчаянные и упертые. Видать, давно им наша крепостица глаза мозолила».

Гамаюн снова высунулся и выстрелил. Поймал взглядом урядника, тот обернулся, в отчаянии ища командира, и одними губами прошептал:

– Не сдюжим, – сам пугаясь слов. Подхорунжий, конечно, не услышал, но понял без лишнего, тут же свистнул, зычно закричал, перекрикивая гомон боя:

– Браты! Отход! – Открыл дверцу землянки и упал на колено, выстрелами прикрывая откликнувшихся казаков.

4.3

Багровым кругом катилось дневное ярило за кромки гор, зависая на их острых вершинах. День клонился к вечеру. Жара, сопровождавшая отряд Дмитрия Ревы на пути через ущелье, спала.

Кони пошли чуть резвее. Совсем рядом петляла, словно огромная змея, горная река. Она несла свои воды через земли казаков на черкесскую сторону. Течение ее то замедлялось, слегка разливаясь и омывая каменистые берега, то, словно горный барс, бросалось по перекатам, опрокидывая небольшие камни, делая переправу через нее невозможной. Отряд младшего урядника уверенно продвигался к своей цели. Впереди шел на пегом мерине местной черкесской породы сам Рева. Два брата, Григорий и Гнат Раки, односумы Дмитрия Ревы, ехали чуть позади. За ними шли походным строем молодые казаки, не знавшие до сих пор вооруженных стычек с врагом. И замыкающими шли Степан Рябокобыла и Сидор Бондаренко.

И братья Раки и Рябокобыла с Бондаренко были казаки стреляные. Не раз хаживали они со станичниками гонять басурмана по скалам да за зипунами. Горы они знали хорошо и могли ориентироваться в них даже ночью. Билый заведомо выделил в помощь младшему уряднику Реве пятерых бывалых казаков. Зная жоглый⁵⁶ нрав молодежи и желание выделиться в первом для них боевом походе, старики были призваны охлаживать⁵⁷ прыть парубков, дабы те не наделали глупостей. Молодых казаков к понюшке пороху приучали постепенно. Беря на первые боевые задания, их старались держать в резерве, сберегали.

Боевому искусству и джигитовке казаков начинали учить с детства. К восемнадцати годам из казака получался смелый и ловкий воин. Но кострычить⁵⁸ ловко лозу, попадать пикой на всем ходу в кольцо, стрелять на ходу в цель – это одно. Совершенно иным выглядел бой в реальности, когда в тебя в ответ также летели пули и твердая рука врага с шашкой тянулась к твоей голове.

Поэтому казаки и держали парубков в резервных группах и пускали их в бой, когда его исход был предreshен не в пользу врага. Так казачий дух, закаленный в регулярных тренировках, отшлифовывался и превращался в негибкую сталь, способную, подобно крепкому карбижу⁵⁹, разить врага.

Молодые казаки, слегка утомленные переходом и жарой, шли на конях шагом, глядя изредка по сторонам и стараясь держать походный строй. Рева же и его одно-сумы, напротив, не сводили глаз с прилегающих скал. Ничего не ускользало от их пристального наметанного взора.

⁵⁶ Жоглый – смелый, дерзкий.

⁵⁷ Охлаживать – остужать.

⁵⁸ Кострычить – рубить.

⁵⁹ Карбидж – лезвие пластунского ножа.

За уступами скал мог запросто скрываться не один десяток черкесов, которым, чтобы уничтожить небольшой конный отряд, не понадобились бы даже ружья. Достаточно было столкнуть вниз пару увесистых валунов, и камнепад смел бы казаков вместе с конями.

Рева дал знак рукой остановиться. Младший урядник несколько раз, раздувая ноздри, глубоко вдохнул воздух, словно горный барс, когда выслеживает добычу. Ветер донес запах еще свежего лошадиного навоза. Рева слегка насторожился. Он также знаком подозвал двух братьев Раков и Сашко Калиту – одного из молодых казаков, ехавших в первом ряду. Младший урядник залихватски закинул согнутую в колене правую ногу на седло и облокотился предплечьем правой руки на бедро.

– Ну-ка, хлопцы, разнюхайте, шо там попэрэду. Дюже навозом лошадиным воняет. Да глядите, шоб все нозирком⁶⁰, – негромко распорядился Димитрий.

Прячась за валунами, короткими перебежками трое посланных на разведку казаков скрылись из виду. Вернувшись через четверть часа, Гнат Рак доложил:

– Кубыть тихо усе. Привал варнаки делали. Оттель и гний конский дюже воняет. Черкесы кубырь сробылы. Гати⁶¹ рясно⁶² навтыкали. Мы с хлопцами шлях зачистили. Можем дальше двигать.

– Добре, – ответил Рева. Вновь вддел носок правой ноги в стремя, слегка выпрямил спину и дал отмахку двинуться дальше.

Справа все так же шумела река, разговаривая с камнями. Порой из ее чистых вод выпрыгивала форель, на секунду зависая над течением, и вновь окуналась в обжигающую холодом воду. По противоположному склону, полого спускающемуся к реке, островками расположились кушнари⁶³ дикой горной акации. Среди ее мелких темно-желтых цветков завели свою вечернюю перекличку турчелки. В воздухе пахло прохладой и свежестью, идущей от реки.

Пики скал, словно зубы великана, кусали солнечный круг. Оставалось совсем немного времени, и солнце зайдет за горные уступы, поднимающиеся, казалось, неприступной стеной. В горах темнеет быстрее. Необходимо было найти место для ночевки, чтобы отдохнуть самим и дать отдых лошадям. Впереди, на расстоянии в полверсты, в лучах заходящего солнца багровым всплеском сверкнула излучина реки. Здесь ее течение замедлялось. Слева шла все та же отвесная скальная стена. Между ней и излучиной реки природа создала колтычок, достаточный для стоянки полусотни всадников. Здесь и решено было сделать привал. Димитрий Рева выделил из молодых хлопцев двоих коневодов. Все казаки спешили. Коневоды приняли лошадей и отвели их в сторону, к зарослям ивняка. Когда лошади остыли, их напоили и пустили пастись.

Находясь на территории врага, было решено костры не разжигать. Рева выставил два секрета. В каждый из них он определил двух казаков. Рябокобылу и молодого казака Иванко Пяту младший урядник отослал на версту вперед по пути следования. Те залегли среди валунов и затаились. Двух других – Гната Рака и парубка Журбу – Рева отправил к излучине реки. Они укрылись среди ивняка, густо росшего по берегу. Вечеряли кто хлебом, кто лепешкой, натертыми соленым бараньим курдюком.

– Всем спать, – сказал Димитрий. Сам же дремал в полока, читая про себя молитвы ко Господу и Богородице.

Ночь своим черным покрывалом в час накрыла и окрестные скалы, и реку, и лагерь казаков. Лишь Семь сестер, Стожары да Чумацкий шлях разливались по темному небосводу мягким голубоватым светом. Эти небесные путеводные знаки, по которым со времен седой древ-

⁶⁰ Нозирком – скрытно, издали.

⁶¹ Гать – острый колышек.

⁶² Рясно – густо.

⁶³ Кушнари – густые заросли.

ности находили нужную дорогу предки черноморских казаков – запорожцы. Да и сейчас не утратили казаки навыка их пращуров – ориентироваться ночью по звездам.

Димитрий лежал на спине, закинув обе руки за голову. Остро пахло полынью. Находясь в полудреме, почудилось ему, что жива его красавица жена Фотиния, жива и его доченька Марьюшка. Смеются обе, увидев его, пришли на покос. День жаркий, солнечный. Младшенькая все ручонки тянет, обнять хочет, букетик ромашек протягивает, приговаривает:

– Что ты, папка, полынь нюхаешь, на ромашек тебе! Нарвала, пока поднимались.

Жена губы пухлые в улыбке кривит, качает головой, улыбается, протягивает белый тугой узелок.

– Смотри, коровка божья по цветку ползет, сейчас к тебе полетит! – слышится радостный детский крик.

Принесли девчонки трапезничать: холодного айрана в макитэрке⁶⁴ да свежую лепешку из кукурузной муки. Протягивает Димитрий руки, чтобы обнять дорогих своих жену и доченьку, а по их белым платьям кровь пятнами выступает. И позади них черкес злобно кэпкувает⁶⁵, оскалив зубы. В руках рушница, из дула дымок сизый струится. Вздрыгнул Димитрий, открыл глаза. Исчезло видение. Тоска на душу легла, печалью глаза увлажнились.

Прошлым летом, когда Рева в походе был, шайка черкесов на бахчу станичную наскок сделала, где в то время жена его Фотиньюшка кавуны вместе с другими казачками прибирала. А доченька рядом с мамкой была. Черкесы Марьюшку забрать хотели, да не дали казачки своих в обиду. Стрельнул тогда один черкес из ружья и попал в доченьку. Пуля с ее тельца вышла и в мамкино попала, под самое сэрдэнько легло. Так и схоронили их обеих без Димитрия. Лютой ненавистью воспылал Димитрий с той поры к варнакам черкесским. Боялись они его. Убитым черкесам уши отрезал. По вере мусульманской их после смерти в рай басурманский за уши притягивают. У кого ушей нет – харам. Сразу в ад попадает.

Так и не женился Димитрий боле. Бобылем жил. Поначалу подумывал сменить черкеску на рясу монастырскую. Воином Христовым стать. Да грехов своих боялся. Не дадут во врата монастырские войти. В миру остался. Смерти искал. Подобно волку, басурман грыз, проходя порой по шляху судьбы, как по острому карбижу. Молитва и вера крепкая спасала.

Забылся в полудреме вновь младший урядник Димитрий Рева. Тело и голова требовали отдыха.

⁶⁴ Макитэрка – глиняный сосуд с широким горлом.

⁶⁵ Кэпкувать – смеяться, насмехаться.

Глава 5

Отара

5.1

Отряд верховых казаков, ведомый сотником Билым, с божией помощью и природной волей самих казаков продвигался по узкой горной тропе к перевалу. Каждый из этих бывалых, закаленных в боевых стычках воинов мысленно готовился к предстоящему бою. В души закрадывалось особое ощущение отрешенности. Так всегда бывает перед серьезным боем.

С одной стороны, ты еще здесь, в этом мире, мысленно говоришь со своими родными, оставшимися в станице, вспоминаешь счастливые моменты мирной станичной жизни. С другой – твоя душа молитвенно приближается к порогу, за которым лишь свет и покой и Он – великий создатель и вершитель судеб человеческих – Господь. Так, читая всегда перед боем «В руци твои...», казаки мысленно прощались со своими близкими и со всем мирским. Никто из них не знал, останется ли он в живых или суждено ему погибнуть в том или ином бою. Поэтому готовили душу предстать перед очами Всевышнего и вверяли Господу свою судьбу.

Казаки, как люди глубоко верующие, соблюдали Законы Божии истово, но и не чурались адатов своих предков. Что можно было расценить как некое вкрапление традиций времен дохристианских в веру православную, старообрядческую. Веру предков. Не признавали кубанцы нововведений никонианских. Завещали им пращуры чтить и соблюдать законы истинные, считая, что патриарх Никон и его последователи, изменяя образ перстосложения, форму таинства крещения, сугубую аллилуйю и другие стороны церковного предания, положили начало изменению и самой веры. Под влиянием латинян отвергнув святоцерковное предание, приняв троеперстие, трегубую аллилуйю, крещение обливанием и другие новины, новолюбцы открыли дорогу для ложных учений, мудрствований и ересей, кои нарушили важнейшие основания самой веры.

Оселяли себя казаки знаменем двуперстным, в руки Господа дух свой отдавая, и шли в атаки на супостата-басурмана без упрека и страха.

Вот и сейчас, идя на конях след в след по узкой горной тропе к перевалу, возносили привычно молитву станичники за себя и за односумов своих.

Билый, шедший во главе сотни, оглянулся назад, окинув казаков взглядом. И хоть и хмурился от дум тяжелых – полегчало сразу, глядя на четкость и слаженность боевых товарищей. Шли казаки на своих боевых конях ровным шагом, держась в седлах непринужденно и легко. Но за этой легкостью скрывался крепкий, недюжинный характер, стальной дух, способный при необходимости перерубить любой другой. И не было крепче духа, чем дух казачий. Он сочетал в себе ловкость барса, зоркость орла и силу медведя.

Не смог сдержать легкой улыбки. Сердце радостно защемило. «Орлы! – подумал про себя Билый, – таким любой супостат не страшен! Что там сотня-другая черкесов?! Да, они славные воины, но с казаками им тягаться – шо попэрэд течения без брода реку переходить».

Вспомнился Билому стишок станичного балагура деда Трохима, чей внук Василь ехал сейчас рядом с Миколой, держа в руках дзюбу:

Пика востра, удалая – казаку сестра
А товарищ – острый нож, шашка – лиходейка,
Нам сподручней будет, чтобы грудь в крестах
Басурмана бей, круши смело, не желей-ка.

Василь, несмотря на свой взбалмошный, кубаристый характер, не ловыл гав и, помимо умелой фланкировки шашкой, мог лихо управляться пикой. Билый, давая слово деду Трохиму приглядывать за Василем, четко следовал своему обещанию, в то же время так, чтобы Василь этого не заметил. До сих пор все выходило гладко, так что комар носа не подточит.

– Василь!

– Да, ваше бродь! – тут же откликнулся молодой казак.

– Не кричи, – Микола поморщился, – чуешь, гарью тянет?

Приказной неуверенно закрутил головой, принюхиваясь к горному воздуху. Еле заметно кивнул, уловив принесенную нитку запаха. «Значит, не показалось», – подумал сотник.

Солнце постепенно спускалось с небосвода, отбрасывая тень от всадников и коней на камни, разбросанные по сторонам тропы. На прозрачном от голубизны небе показались несколько облачков. Одно было похоже на горного орла, расправившего огромные крылья и готового броситься камнем на свою жертву. Другое – на кавун треснутый.

Где-то там, далеко внизу, несла свое быстрое, непокорное течение горная река, истекающая из Марты – притока Кубани. Где-то там по направлению течения шел отряд, ведомый младшим урядником Дмитрием Ревой.

«Как они там? – мысленно спросил сам себя сотник Билый. – Все ли ладно? Ну да Дмитрий – казак опытный. У такого не сваландишь⁶⁶, быстро управится с молодежью, поставив на место».

Вот и перевал. Подул ветер, донося с дальних вершин свежесть и прохладу. Билый сделал знак рукой. Сотня остановилась.

Пристально, по-волчьи, глядя окрест, сотник заметил в стороне от тропы, по которой они подымались, множество катухов⁶⁷. Это означало только одно: здесь были пастухи с отарой овец. Спрыгнув с коня, он преклонил колено, уперев носок пыльной ичиги в мелкие камни. Коснулся катухов. «Свежие. Значит, пастухи где-то недалеко», – подытожил Микола. Не вставая, он знаком подозвал к себе двух казаков. Осип Момуль и Иван Мищник спешили и, придерживая шашки, так же, на полусогнутых, подбежали к своему командиру.

– Вот что, братцы, метнитесь змейками по склону. Где-то недалеко должны быть пастухи с отарой овец. Разведайте, кто они и откуда. Да и про аул черкесский заодно узнайте, – распорядился сотник. – Вы оба по-черкесски балакаете, вам и сподручнее выведать все будет.

– Добре. Сробим, – кивнул Осип. Иван промолчал, всматриваясь в следы. И через мгновение казаки уже петляли меж гряды валунов, спускаясь по склону.

Между тем вся сотня подошла к месту, где остановился Билый.

На тропе не осталось ни одного казака. Поднялись все. Слава богу, без неожиданностей. Сотник приказал спешиться. Выделил несколько коневодов. Те приняли коней и отвели их за скалу, где не дул ветер и солнечные лучи еще достаточно согревали горный воздух. Лошади довольно фыркали, махая гривастыми головами. Привычные к тяготам военной службы, они были одним целым с их хозяевами. Прodelав сложный путь, подымаясь к перевалу, неся на себе всадников и их вооружение, они готовы были, как и казаки, с ходу вступить в бой. Но сейчас им предоставлен отдых под наблюдением заботливых коневодов. Горный склон, куда коневоды отвели коней, был покрыт невысокой, но сочной травой. Ее было достаточно, чтобы лошади попаслись, восстанавливая силы после перехода. К тому же у каждого казака в переметных саквах была добрая порция овса, получив которую кони аппетитно захрумтели, перемалывая крепкими зубами зерна.

⁶⁶ Сваландить – сделать абы как.

⁶⁷ Катух – бараньи какашки.

Отношение к коню у кубанских казаков во многом обусловлено мифологической насыщенностью народных представлений о нем. Казачья мифология коня – производное от общеславянской. Последняя является весьма сложной и разветвленной. В ней конь предстает как амбивалентное существо, причастное одновременно к разным мирам (мир живых и мир мертвых, мир людей и сверхъестественных существ). Поэтому он считается посредником между разными сферами бытия, помощником всех тех, кто путешествует между ними, непременным участником похоронных обрядов, носителем значительного магического потенциала. Как магическое создание конь связан с колдовством и гаданием, выступает как спутник мифологических персонажей. Как амбивалентное существо он способен приносить как добро, так и зло.

Основой культуры и традиционных ценностей кубанских казаков была военная составляющая. И конь, отношение к нему, были ее важным элементом. Поэтому влияние военизированного образа жизни на мифологические представления о коне было значительным. Конь считался атрибутом общественных сил, помогавшим казаку в борьбе с врагами. Недаром святые, особенно сильно почитавшиеся казаками, – Егорий Победоносец, Архангел Михаил, Микола Угодник, считались в казачьей традиции тесно связанными с лошадьми.

И сейчас коневоды, заботливо обихаживая коней, думали о них, говорили с ними, как с равными. Перекидывались друг с другом словами:

– Казак без коня, что без рушницы, – сказал один из коневодов, трепля гнедого друга по холке. – И днем и ночью вместе.

– Так кто ж спорит! Жена дальше!

– Не покидали казаки коня в беде никогда, – подхватил другой. – Смотри, как смотрит на меня! Душа у него человечья. Сейчас заговорит!

– Ой, братья, – вступил в разговор третий коневод. – Все верно. Не зря в старину говорили: не брешь жинке на базу да коню в пути.

– Потому и не доверяли казаки никому ни шашки, ни коня, ни жинки, – подвел итог первый, старший из коневодов. – Это и есть истинные ценности!

Тем временем, пока разведчики, посланные Билым, выполняли поставленную задачу, сотня расположилась импровизированным бивуаком. Казаки достали баклажки с водой и лепешки. Им также необходим был короткий отдых, да и подкрепиться чем-нибудь съестным было неплохо.

– Глядеть в оба! – распорядился сотник, но дозорных решил все же не выставлять. – Сами знаете, не у себя в станице.

Однако Рудь, истолковав слова командира по-своему, выбрал каменюку чуть в стороне и ловко поднялся к нему, прячась в тени, увеличивая тем самым обзор. Микола заметил маневр и чуть заметно кивнул, одобряя.

День уверенно клонился к вечеру. Солнечный диск уже соскальзывал за высокий хребет кавказской горной гряды, цепляясь последними теплыми лучами за вершины скал. Разведчики все не возвращались.

Казаки тревожно начали шептаться:

– Нет братьев.

– Задерживаются.

– Может, случилось что?

– Будем ждать, – оборвал чужие рассуждения Билый. – Если бы случилось – услышали. Пока отдыхать. Костры не жечь, махорку не шмалить!

– Ясно, ваше благородь. Не впервой. С понятием, – отвечали станичники.

Сотник расположился на небольшом покато валуне. Его гладкая твердая поверхность еще хранила тепло, накопленное за долгий солнечный день. Слегка клонило ко сну, но спать сейчас – значит дать врагу шанс уничтожить тебя первым. Кажущееся спокойствие в горах весьма обманчиво. В любой момент жди подарка от детей гор – воинов Аллаха. Здесь или

добыть – или дома не быть. Поманил к себе вестового. Шурша мелким камнем, приказной быстро спустился. Молча указал место рядом.

Василь Рудь вдохнул, присаживаясь на камень, располагая винтовку между ног. «Устал хлопец, – подумал Билый. – Тяжко ему после перехода. Но лихой казак! Усталости не кажет. Добре!»

– Вот что, Василь. Ложись отдохни. Покемарь трошки. Время есть. Так изведешься совсем, а ты мне живчиком нужен – впереди бой, – сказал негромко, но решительно Микола.

Вестовой попытался отнекаться, но сотник был настойчив:

– Нэ выбубэнювайся. Ты еще в бочке кис, а на мне уже мундир вис, знаю, шо гутарю! Отдыхай. Это приказ.

– Есть, – уныло сказал приказной, вяло козырнув, и дальше спорить не стал: подчинился, откинулся спиной на теплый еще от дневного солнца валун и сразу задремал, сжав крепко шашку в руке.

«Так-то лучше», – подумал Микола. И, неслышно засмеявшись, добавил:

– Казак спит, служба идет, но и во сне шашку щупает.

Услышали казаки, стали перешептываться, локтями поддевая друг друга, кивая на спящего казака:

– Как девку щупает!

– Да не щупает! Дывись лучше: гладит!

– Заласкал уже, – прыснули негромко казаки.

– Так Василь ласковый, оказывается, а с виду и не скажешь!

– Цыц, – сотник сердито свел брови для вида, а сам скрыл улыбку в усах, – дайте парубку поспать – отключился почти сразу. Всем отдыхать!

5.2

Осип Момуль и Иван Мищник, посланные Билым в разведку, петляли меж камней.

Искать отару овец на горном склоне пришлось не долго. Было ясно, что товарчии поведут овец на теплую южную сторону склона, куда не долетают порывы дышащего прохладой ветра. Казаки ориентировались по примятой копытцами овец и ичигами пастухов траве. На их пути то и дело попадались островки свежих катухов, говоривших о том, что они идут в правильном направлении.

И Мищник, и Момуль, оба дюже складно балакали по-черкесски. Наделил их Господь таким даром.

К тому же у обоих бабки были из черкешенок. Деды их привезли с одного из набегов на черкесский аул ясырь – двух молодых девок черкесских. Одну звали Катина, другую Хабат. Обе черноволосые, глазища – как твои черешни. А взгляд! Дикий, непокорный. Родители обоих казаков поначалу против были, затем обвыклись. Да и черкешенки обжились, казаки им приглянулись, чувствами воспылали. Жизнь станичная вольная отличалась от той, что текла в ауле. Женщина для горцев не была никогда ровней. А казаки с детства приучены к женщине с уважением относиться. Будь то мать, сестра али жинка. Женщина выступает как хранительница и защитница домашнего очага, и это вполне естественно, поскольку казак большую часть своей жизни проводил вне дома. Казачки – это особый тип женщины, берущей на себя заботу о семье, ее благополучии, энергично занимающейся хозяйством, способной защитить свой дом от любых посягательств.

Действительная служба казаков, походы и войны надолго отрывали казака от дома. В отсутствие мужа женщина вела сама хозяйство, обрабатывала пай, поддерживала дом и воспитывала детей.

Хотя главой семьи всегда считался отец, после его смерти все его права переходили к матери, если даже в доме жил старший сын с семьей. Таким образом, права женщины-казачки были достаточно широкими и сравнительно большими, чем права тех же российских крестьянок или хохлушек. Один из самых главных заветов казаков гласил: «Женщину-мать защищает круг».

И Катина, и Хабат быстро освоились и влились в станичную жизнь. Полюбили их и станичники. За кроткий, незлобный нрав. За трудолюбие. Отец Иосиф, станичный священник, сначала окрестил обоих по канонам старообрядческим, полным погружением «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...» При крещении получили они имена: Катина стала Таисией, а Хабат – Христиной. По станишному – Тасей и Христей. А через недельку, на Святого Пантелеймона Целителя, обвенчал отец Иосиф Савелия Момуля с Христей, а Мыкыту Мищника с Тасей. Там и детишки пошли у них чернявые, ликом в матушек своих. Носы с легкими горбинками. Ну шо те абреки, только крещеные. Мыкола Момуль и Охрим Мищник с детства вместе держались, что те братья. Даже ликом дюже схожи были. Выросли, оженились на девках станичных. Так и на свет божий Осип и Иван появились. И они традиции отцов своих верны были. Как братовья родные росли вместе. А бабки их – Таисия и Христина – языку-то черкесскому и обучили.

Выросли и возмужали Осип да Иван. Сами семействами обзавелись. Дети уж взрослые совсем. У Осипа дивчина на выданье, Ивану бог троих казачат даровал. Так и живут не разлей вода, ближе, чем братья родные. Сгинули на войне деды их, Савелий и Мыкыта, похоронили их рядом на станичном кладбище. Почили в бозе и бабки Таисия с Христей. Рядом с мужьями своими упокоились. А Осип и Иван, традиции семейные соблюдая, еще и односумами стались. Да и гены, видимо, свое берут. Кровь в них черкесская течет. Характером спокойные, но если за правду, то здесь не подходи. Каждому мало не покажется. Хохлам носопырки вправляли не раз, когда гамсэлы елэгужить или мэнджувать пытались. Да и вояки оба добрые. Немало доставалось от них что туркам, что черкесам. К тому же язык басурманский знали. Балакали, как на ридной кубанской балакачке. Поэтому и выбрал их Билый для этого задания. Окромя их никто бы не справился.

Мало язык знать, нужно жилку иметь особую, чтобы ты для абрека за своего прошел. Товарчии, хоть и нейтральные – мирные горцы, но все же черкесы. Были в Осипе да Иване и жилка и чуйка, да и ликом оба были под стать черкесам.

Оба с бритыми головами, заросшие бородами по самые папахи. Глаза на тюркский разрез. Осип черноволосый, а у Ивана цвет бороды темно-рыжий. Если не знаешь, то и не отличишь их от варнаков.

Спустились ниже по склону Осип с Иваном, аккурат меж валунами огромными, в три человеческих роста, проход образовался. Остановились без звука. Осип воздух втянул нозд-рями. Дал знак «там отара, дымом пахнет». Иван согласно кивнул головой.

– С Богом! – шепнул он Осипу.

Оба выпрямились и не торопясь, слегка вальяжной походкой направились туда, где среди высоких, сочных трав паслась отара овец. Пастухи, а их было трое, готовились к вечерней трапезе. В походном очаге, сложенном из камней, бойко горел костер, потрескивая сухими полешками и кизяком. На камнях стоял небольшой казан, накрытый капкачем. Судя по запаху, шедшему от него, товарчии готовили шурпу из баранины.

Навстречу Осипу и Ивану с недовольным рыканием выбежали три громадные кавказские овчарки. Казаки не испугались, чем вызвали уважение у четвероногих помощников пастухов. Каждая из этих собак запросто могла задавить большого волка, но, почуяв, что незнакомцы их не боятся, овчарки успокоились и вновь вернулись к своим хозяевам.

– Ассаламу алийкум, хьомсара!⁶⁸ – приложив правую руку к сердцу, начал разговор Осип, подойдя к пастухам. Иван слегка наклонил голову, также положив правую руку на сердце.

– Алийкуму ассалам! – ответили пастухи хором.

– Муха ю хьан могушалла?⁶⁹ – продолжил Осип.

– Дална бу хастам! Дика ду⁷⁰ – ответил старший из пастухов.

– Муха бу мун цьернаш?⁷¹ – сказал Осип.

– Баркалла. Дика ду⁷², – ответил тот же пастух.

⁶⁸ Ассаламу алийкум, хьомсара – Добрый день, уважаемые (чеч.).

⁶⁹ Муха ю хьан могушалла? – Как ваше здоровье? (чеч.)

⁷⁰ Дална бу хастам! Дика ду – Слава Всевышнему! Хорошо (чеч.).

⁷¹ Муха бу мун цьернаш? – Как у вас дома? (чеч.)

⁷² Баркалла. Дика ду – Спасибо. Хорошо (чеч.).

Глава 6

Крепостица: окончание

6.1

Куст молодило шапкой завис в расщелине над головой, и Пашка замер на отвесной стене, позволив себе отдых. Пот каплями стекал по всему телу, заливал глаза, замокрил волосы, увлажнил тело, и теперь ветер охлаждал разгоряченную кожу. Винтовка пудом свисала со спины и тянула назад. Из-под перекрещенных ремней полыхало жаром и пекло огнем.

Кочубей гнал прочь тяжелые мысли, стараясь отвлечься и отдышаться. Долгие секунды, показалось – вечность, вспоминал, как старики называют каменную розу. Розово-бордовые цветки колыхались в медленном такте, прогибаясь под порывами ветра, и смотрели экзотическими головками на невесть откуда появившегося скалолаза с немим упрёком, осуждая за нарушение покоя и безмятежности.

– Ну уж, простите меня, – прошептал Пашка, прижимаясь горячим лбом к холодному камню, – сейчас отдохну и дальше поползу, вас не задев.

Сама мысль потревожить такую красоту на фоне скальной стены показалась кощунственной. Сколько усилий надо было предпринять природе, чтобы вдохнуть в расщелину жизнь, теперь предстояло просто обогнуть красивый куст, и, как в благодарность, в мозгу всплыло название: вечно живой.

– Поди ты, – пробормотал Пашка, и подумалось: «Никак род оберегает, раз дает подсказку». Казак начал ползти по стене, цепляясь за камни, решив обогнуть кустарник справа. «А что скажет род про любовь мою к доброй дивчине Маруське?»

Ноги соскользнули с уступа, кроша выемку в поток мелкого камня, и Кочубей завис в воздухе, держась на одних пальцах и прижимаясь всем телом к гладкой стене. Носок в чуни заскользил вверх и вниз, пытаясь найти опору, но никак не хотел цепляться ни за какую выемку. Пашка глянул над собой, быстро оценивая свои шансы, и закарабкался вверх, подтягиваясь на пальцах. Сил оставалось не много, как раз на такой отчаянный рывок. Сердце бешено заколотилось. В голове стали проноситься знакомые образы близких: суровый, никогда не улыбавшийся отец, сгинувший в одном из походов; мать, украдкой вытирающая слезы на морщинистом лице; сестры и братья; улыбающаяся жизнерадостная Маруся – угораздило же влюбиться в батрачку. Что станишные скажут? Как пить дать выпорют при всей станице на Майдане. Испокон веков запрет был на иногородних жениться. Да видимо, супротив природы не двинешь. Сильнее она законов человеческих.

Ветер качнул тело, Кочубей дернулся назад, увлекаемый ставшей за подъем невыносимо тяжелой винтовкой, в небе заклекотал орел, предвещая чужую гибель. Казак заскользил вниз по стене и, когда показалось, что падение не остановить, ноги неожиданно нашли опору и встали на бордюр выступающего камня. Пашка начал читать молитвы одну за одной, повторяя их раз за разом, пока сердце не утомилось в груди и не стало биться ровнее. Расслабил одеревеневшие мышцы ног и позволил себе вытянуть пальцы правой руки из щели. Проморгался, смахивая пот с ресниц. Глаза ожгло – острая боль прорезала и достала до воспаленного мозга. Казак подавил в себе крик. С секунду смотрел на разбухшие, разбитые в кровь пальцы, попытался сглотнуть вязкую слюну и сказал вслух, обращаясь к себе, орлу и всему миру:

– Как же я теперь стрелять буду? – Его не беспокоило то, что края стены не было видно и дальше подъем с перебитыми пальцами усложнялся, делаясь практически невозможным. Казака тревожила только одна мысль.

Мысль о последнем выстреле.

Из-под камня выбежала небольшая ящерка. Подняла головку к яркому солнцу, распласталась на теплом камне, хвостик колечком согнула. Покрутила головкой по сторонам, от возможных хищников оберегаясь, увидела человека и, словно мысли его читая, уставила на него свои глазки-бусины, мол, не думай о плохом, человеке, царь природы, все хорошо будет. Посмотрел на нее Павло, и легкая улыбка скользнула по его губам. «Тяжело, тварь ты божия, ой как нелегко человеку-то на земле», – вздохнув, сказал негромко казак и вновь погрузился в свои мысли.

6.2

В горячке и не разобрав, кто нырнул в открытую дверь землянки, успел добежать, хоть на прощание и ойкнул, поймав спиной пулю.

Остальные завязли в быстрой и жаркой сечи. Прорвав заградительные плетни, горцы закружили вокруг трех израненных казаков, вертя разгоряченных коней в разные стороны. Зазвенела сталь, замелькали шашки. Закрутилось время с утроенной скоростью, для каждого уцелевшего казака отсчитывая последние секунды. Оросилась каплями крови замята конскими копытами сочная зеленая трава, и жесткая земля враз пухом стала, принимая изрубленные тела защитников крепостицы.

Гамаюн разрядил винтовку, стреляя в упор, и, заваливая коня со всадником, потянул шашку из ножен, бросился вперед, хотя все закончилось в считанные секунды. Не было страха перед смертью. Достать бы напоследок врага. Только пуля раньше нашла. Выстрелил абрек с земли, придавленный конем, и разом споткнулся подхорунжий – ноги заплетаться стали, с каждым шагом приседая и клоня к земле. Казак на колено опустился, шашкой в землю упираясь. Голову опустил, не в силах поднять ее. Из рта кровь закапала.

Горцы закрутились, выцеливая места подозрительные: вышку да амбразуры землянки. Да только тихо все было, закончился бой и, кажется, только один умирающий казак и остался. Куда теперь он денется? Не убежит. Потешиться можно будет напоследок, для устрашения и наказа другим, чтоб знали, чья земля здесь и кто хозяева настоящие на ней.

Завыли абреки тогда радостно, стали в воздух стрелять. А один отделился и, низко пику наклонив, тронул коня в сторону подхорунжего, имея твердое желание насадить казака на острие да прибить к стене деревянной.

Но не доехал он. Грянул эхом выстрел далекий, совсем неслышный для горцев, и лихой джигит кулем свалился на землю, зацепившись ногой за серебряное стремя, а верный конь дальше его потащил, мимо вмиг заулыбавшегося Гамаюна. Казак так громко смеялся, что абреки затихли разом, сбившись в кучу, и теперь уже с нескрываемым ужасом поглядывали на подхорунжего.

– Шайтан, – пробормотал безлошадный абрек и вскинул винтовку, особо ни на что не надеясь – не было пули против чертей. Только от выстрела казак завалился на землю и вытянулся, как все мертвые.

Горцы завыли с новой силой. В руках факелы появились, жечь стали заставу. Первой вышка запылала. В землянке наверняка запас есть – поживиться можно, а потом и ее поджечь, а напоследок плетни подпалить, и ничего не останется больше от казачей крепостицы.

Двое спешили и, низко пригибаясь, побежали к землянке. В дверях убитый казак лежал, пуля ему в затылок попала, разворотив лицо. Абреки оживленно загомонили, обсуждая удачный выстрел. Один заглянул в темное нутро и побледнел разом, замолкая.

У открытой бочки, привалившись к ней спиной, сидел недобитый казак, весь кровью залитый. В руках его мигал огонек лампадки.

– Салам Алейкум, – сказал канонир, с трудом голову поднимая. – Вас ждал. – И руки его, дрогнув, опустили лампадку в черный порошок пороха.

6.3

– Охъалахлойша діа м ціе⁷³, – предложили радушно пастухи.

Закон гор требовал принимать гостя, как посланца Всевышнего, кто бы он ни был. Осип с Иваном приняли приглашение, усевшись у костра, подогнув ноги и скрестив их на турецкий лад. Традиция обязывала и гостя относиться с уважением к хозяину. В данном случае хозяевами были горцы, пастухи – товарчии, как звали их казаки.

Это были нейтральные горцы, середняки-бишара. С казаками они не воевали, старались вовсе не ввязываться в конфликты. Да и средств к ведению какой-либо войны у этих горцев не было. За что не раз были биты и ограблены своими более воинственными соплеменниками. Варнаки не чурались ничем. Налет на казачью станицу или на дальние аулы нейтральных дружелюбных горцев расценивался ими как добыча ясыря. Грабежом и налетами жили, за малым исключением, все черкесские племена. Казаки для них были гяурами – неверными, которых, согласно извращенной трактовке священного Корана, следовало уничтожать. Поэтому стычки между казаками и черкесами были явлением довольно нередким. Причем ненависть, которую вымещали обе стороны при столкновениях, была безудержной. Черкесы ненавидели казаков как иноверцев. Варнаки, пользуясь тем, что основная часть войсковых казаков в походе, вероломно нападали на станицы, грабили, уводя скот и лошадей, воруя малых детей и молодых девок, которых затем продавали на невольничьем рынке. Не щадили ни старых ни малых, вырезая порой по несколько десятков человек.

Казаки также не оставались в долгу. По горячим следам они настигали противника, и тут уже шла сеча до последнего взмаха шашкой, до последнего патрона с рушницы. Так еще дед Билого Остап со станичниками ходылы черкеса воевать. По ходатайству наказного атамана Черноморского казачьего войска майора Ф. Я. Бурсака и с разрешения военного губернатора был получен приказ о проведении репрессалии – карательной экспедиции за Кубань. Тогда Ф. Я. Бурсак с отрядом из казаков и регулярной пехоты переправился на левый берег Кубани и, вторгшись в земли чичинейцев и абадзехов, то есть тех племен, которые участвовали в нападениях на казачьи селения, принялся истреблять их аулы. Застигнутые врасплох горцы обратились в беспорядочное бегство, ища спасения, бросаясь полунагие в реку и окрестные болота, вязли в грязи и утопали. В результате данной экспедиции были сожжены и уничтожены все жилища и имущество варнаков. С собой казаки увели косяк лошадей в сто голов, около трех тысяч голов крупного рогатого скота и столько же овец. Так казаки ответили беспощадностью на многолетние регулярные набеги горцев на их станицы. За смерти и горе их родных и близких абрекам был дан хороший урок. Набеги прекратились на многие десятилетия. То, что случилось накануне, стало неприятной неожиданностью для казаков станицы Мартанской. Наглость, с которой черкесы напали на станицу, уведя косяк лошадей, украв дочь станичного куркуля Марфу и убив нескольких станичников, была вызовом для мартанцев. Наказать вероломных горцев было делом чести.

– Шу муьлш ду? Мичара, хьомсара?⁷⁴ – взяв на себя инициативу вести разговор с незнакомцами, спросил в свою очередь старший по возрасту пастух.

Хоть и мирные были горцы, но они оставались горцами. Для них казаки также были иноверцами, хотя и не врагами. Кто знает, пошлют втихую гонца, чтобы предупредить черкесов о незнакомцах – и поминай как звали. Посему следовало ухо держать востро, а нос по ветру,

⁷³ Охъалахлойша діа м ціе – Присаживайтесь к огню (чеч.).

⁷⁴ Шу муьлш ду? Мичара, хьомсара? – Кто вы? Откуда путь держите, уважаемые? (чеч.)

шоб комар не подточил. «Бэрэжэного Бог бэрэжэ», – подумал про себя Осип и слегка поправил слезшую на глаза лохматую папаху.

– Оха діа генара эвл⁷⁵, – ответил теперь уже Иван, давая понять, что он на равных со своим кунаком. – Вйола дало діадущья. Діа дегогергара стаг дехо⁷⁶, – не торопясь повел разговор Иван, указав рукой на друга.

– Кіадвелла. Лаьа садава⁷⁷, – поддержал Осип.

Вопросы, которые обычно задают по этикету гор, были заданы. Ответы получены. Напряжение первых минут спало. Дальше разговор повел Иван. Осип время от времени вставлял свои фразы. Слово за слово, казаки выведали у товарищей ту информацию, что им была нужна. Пастухи поведали о том, что черкесы соседнего с их аулом привели богатый ясыр с набега на селение неверных. Пригнали косяк лошадей и красавицу зуду. Ее хотят подарить богатому шейху. Еще выяснилось, что по дороге черкесы разбили казачью крепостицу. Потеряли в бою двенадцать человек, и трое тяжело ранены. Всех привезли в аул. По мусульманскому обычаю до захода солнца убитых сразу похоронили. Казаки слушали эти вести, стиснув зубы, но виду не показали.

Пастухи угостили Осипа и Ивана ароматным чаем из горного чабреца. От шурпы станичники отказались, сославшись на нехватку времени и на то, что в аул к родственникам они хотят попасть еще сегодня. Не вызвав подозрения у пастухов, станичники поблагодарили за чай и беседу.

– Сау бул, хьомсара. Баркалла, – приложив правую руку к сердцу и слегка наклонив головы, сказали казаки, прощаясь.

На этот раз волкодавы пастухов лишь подняли свои тяжелые головы, провожая незнакомцев. Для собак удаляющиеся две человеческие фигуры не представляли угрозы, и они продолжали мирно лежать у большого валуна, поглядывая за овцами.

Осип с Иваном ровным, но быстрым шагом направились вверх по склону, где расположился походным бивуаком отряд станичников.

6.4

– Погоняй коня нэ батигом, а вивсом, – незлобно окрикнул Билый одного из коневодов. Тот по горячности своего характера пытался успокоить испугавшегося небольшой змейки коня. Конь пытался встать на дыбы, вырывая уздечку из рук коневода.

– Выдчыпысь, – сказал сотник казаку и, взяв у него уздечку, зашептал в ухо взбрыкнувшему коню: – Чу, чу, чу! Ти мий гарный! Тихо, тихо. Все хорошо.

Конь слегка напрягся, но перестал взбрыкивать, переминаясь лишь с ноги на ногу. Мыкола опустил его голову вниз, это заставило коня расслабиться. Реакция лошадей в этой позе вполне объяснима. Она связана с тем, что в таком положении головы мышцы шеи и спины расслабляются, а пульс несколько замедляется. Билый наклонил голову коня легким давлением на верхнюю ее часть и ласково потрепал его за ухом. Затем обнял его большую рыжую голову, запустил одну руку в густую черную гриву и прошептал:

– Ай маладца!

Затем достал из гаманка кусочек сахара и, положив его на ладонь, легонько всунул коню в мокрые губы. Конь приятно захрустел лакомством. Билый осторожно, чтобы вновь не спугнуть, отпустил голову коня, придерживая слегка уздечку, и передал ее коневоду.

⁷⁵ Оха діа генара эвл – Мы с дальнего аула (*чеч.*).

⁷⁶ Вйола дало діадущья. Діа дегогергара стаг дехо – В гости идем. К его родственнику со стороны отца (*чеч.*).

⁷⁷ Кіадвелла. Лаьа садава – Устали. Хотели отдохнуть (*чеч.*).

– Учись, пока я жив, – с улыбкой, довольный собой, сказал Мыкола. – Бэрэжи коня дома, а вин тэбэ в дорози.

– Зразумев, ваш высокородь, виноват, – растерянно сказал коневод, поглаживая коня по крупу.

– Эх, братец, это тэбэ нэ халам-балам, – по-доброму подметил сотник. – Чуэ кинь, видимо, шо смалэным вовком пахнэ, – обращаясь то ли к себе, то ли к кому-то невидимому, сказал задумчиво Мыкола. И снова обернувшись к коневодам, вполголоса подбодрил их: – Хто правду шукае, того Бог найдэ. За конями добрэ приглядывайтэ. Отдыхать по очереди.

– Поняли, батько! – отозвались казаки. Мыкола улыбнулся в густые усы. Первый раз его называли станичники «батько». Это дорогого стоит. Значит, уважают. Слава богу.

Осмотрев коней и дав наставления коневодам, Билый направился к своей сотне, расположившейся на отдых чуть поодаль. Проходя вдоль каменной гряды, невольно остановился меж двух валунов. Всмотрелся в безграничную даль. Куда не кинь взгляд – горы, ширь, свобода. Мыкола глубоко втянул воздух полной грудью, задержал дыхание на мгновение и, громко выдыхая, произнес:

– Хоть наввымашки плэвы! Красота!

– Шо, станичники, зажурылысь?! – весело спросил Билый, подойдя к казакам. – У них, у басурман, чорт на чорти йидэ и чортом поганяе. А як казак народывся, так сатана зажурылся! – пошутил сотник под одобрительные смешки станичников. – Бог нэ биз мылости, казак нэ биз щастя. Сдюжим, братцы.

Билый отдал распоряжение казакам отдыхать:

– Хто утикае, у того одна дорога, а хто догоняе, у того – сто. Не так ли, станишные?! Почивайтэ, хлопцы, засвитло выходым. Звэрнэм вьязы басурманам.

Казаки расположились вповалку. Не разводя костров, повечеряли по-походному. Лепешкой домашней, слегка подсохшей, да водой из баклашек. И на том слава богу!

«Хлеб, силь та вода – всё козацкая йида», – подумал про себя сотник Мыкола Билый, обходя небольшой бивуак, созданный его станичниками. В горах темнеет быстро. Как только солнечный диск коснется вершин гор, так и закатывается за них, как шар. Ушло дневное светило на покой, оставляя свой пост светилу ночному.

Спустился незаметно вечер,
Зажег на небе Айсулу...

Вспомнилась Мыколе рифма из стихотворения деда Трохима. Мастак он был на сочинительство прибауток да притч разных. Любили его станичники страсть как. Душа компании. Кладезь традиций народных, казачьих.

Билый еще раз проверил боеготовность казаков, по-отцовски, с долей заботы прислушиваясь к их разговорам. Удовлетворенный, он вернулся к тому месту за валуном, у которого пристроился приказный Рудь. Василь спал сном поверхностным, походным. Сморил его дрема. Умаялся за день, да и переход к перевалу отнял силы. Присел Мыкола Билый рядом с Василем, по-отечески взглянул на него, спящего. Сам прикрыл глаза. Не спалось. Думы одолевали и за станичников, и за посланных в разведку Осипа с Иваном, и за Василя. Крепко засел в душу сотнику наказ деда Трохима о том, чтобы не спускал он глаз с Василя. «Кубань, Мыкола, вечно с кровью тэчэ. Бэрэги Василя мово. Горяч вин, жоглый. Та без опыту».

«Добре, диду, пригляжу за унучком твоим», – ответил тогда Билый. А сам про себя подумал: «Добре-то оно добре. А как это аккуратно сделать, чтоб Василя самого в искушение не ввести? Чтобы не заметил моей опеки или чрезмерного пригляду. А то вспылить сможет. А в бою холодная голова нужна».

Погруженный в эти мысли, сидел сотник Мыкола Билый на гладком, отшлифованном буйными ветрами валуне. Рядом посапывал Василь Рудь, крепко сжимая в руках гусек пашки. Из темноты, окутавшей своей тишиной стан казаков, доносилось конское пофыркивание, негромкий храп спящих станичников. Где-то недалеко внизу ухнул сыч, пискнула мышь, спасаясь от крылатого хищника. Эти звуки смешивались, создавая аккорды ночной музыки дикой горной природы. Казаки тоже были частью этой дикой, первобытной природы. Такие же неукротимые, как само мироздание. А над всей этой первобытностью разлил, рассыпав мириады звезд, свой серебристо-молочный свет Чумацкий шлях – молчаливый свидетель зарождения цивилизации народов. Среди этого многообразия казаки, неся в своей генетике гены нескольких народов, в том числе и тюркского, играли немаловажную роль.

Глава 7

7.1

Снизу слышались легкие шаги, как будто несколько змеек ползли меж зарослей сухостоя. Билый мгновенно напрягся, как барс, готовый в любой момент броситься на врага, положил руку на отполированную рукоятку кинжала. Совсем близко ухнул сыч, и Мыкола сразу успокоился, пригладил усы.

Сотник узнал знак, которым казаки оповещают друг друга в темноте. Через минуту на тропе появились две темные фигуры. В свете луны они были похожи на горных призраков, не хватало только ледяного дыхания да перепуганных горцев. Билый, затаившись, наблюдал. Мирно выпускали трели непуганые сверчки. По походке Микола узнал Осипа и Ивана – казаков, которых он послал в разведку. Таиться больше не имело смысла, дернулся из тени навстречу фигурам.

– Слава богу! – негромко сказал Билый, когда станичники приблизились. – Заждался. Говорите, что узнали.

Осип с Иваном последовательно рассказали о том, что удалось узнать у пастухов.

– Гамаюн... – вырвалось у сотника, и скрежетнул зубами, когда Осип с Иваном рассказали, что горцы разбили крепостицу. «Той дорогой идет Рева Димитрий. Может, кто в крепостице жив остался», – мелькнуло в голове у Билого. Осип пожал плечом, Иван вздохнул, подтверждая невысказанную мысль: неведома судьба подхорунжего и остальных казаков.

Узнал Мыкола и о том, что черкесы окромя коней еще и Марфу прихватили с собой. До боли сжал эфес своей кавказской шашки и, стиснув зубы, прошептал:

– Смирть подлюкам! Разом вьязы звэрнем. Шоб бильше нэ повадно було!

Услышав о том, что черкесы привели косяк в аул, Билый оживился:

– Там всех и накроем. Одним миром. Урок добрый дадим. Добре, хлопцы. Отдыхайте. Через час выходим, – поблагодарил сотник разведчиков. Те, ответив «спаси Хрыстос», прошли к месту, где отдыхали их товарищи.

«До аула около двух часов быстрого хода, – подумал Билый. – Нужно будет до рассвета атаковать их врасплох. Шоб ни одна басурманская душа не ушла». Казак с трудом разжал пальцы на эфесе шашки и посмотрел на большую луну, которая неожиданно вышла из-за облаков и зависла над стоянкой. Огромная, обычно бледно-желтая, сегодня она отсвечивала с легким розоватым оттенком. Словно кровь смешалась с молоком.

«Знак, или кажется, прости господи», – Билый перекрестился. Луна завораживала своей красотой и тревожила своим необычным цветом.

«Ночное светило – Айсулу, сменяешь ты Ярило на своде небесном с сотворения Мира сего. И предки наши – казаки Сечи Запорожской под светом твоих блеклых лучей ходили турка воевать. И более ранние прародители народа нашего казачьего – бродники били Мамая на поле Куликовом, освещаемом твоим печальным светом. Что ты пророчишь нам – их потомкам? Что хочешь показать, меняя свой цвет?» – мысленно вопрошал Микола, пристально вглядываясь в рисунок этой ночной небесной владычицы.

Вспомнилось Миколу, как в детстве дед, указывая перстом на далекое темное небо, говорил, что на луне видны пятна в виде двух людей и ушата. Эти пятна казаки связывают с библейским сюжетом о Каине и Авеле, получившим своеобразный отголосок в народном сознании. Согласно легенде, братья на лугу складывали в воз сено.

Они поссорились, и Каин проколол брата вилами. По суду Божьему, братоубийцу не могла приютить ни земля, ни вода, ни другое какое место. Только месяц, послушавшись Божьей воли, дал ему пристанище у себя. С тех пор месяц носит на себе отпечаток страшного греха Каина. В лунных пятнах казаки видят изображение убийства одного брата другим. С этим сюжетом связывается и объяснение фаз луны. Дед Миколы рассказывал, что луне за то, что на ней изображено убийство Каином Авеля, Бог судил каждый месяц рождаться, расти и умирать. После своей смерти она нисходит в ад, перетапливается там, очищается и затем рождается вновь.

– Бог всемогущ. С верой победиши, – тихо произнес Билый и, сняв папаху, осенил себя двуперстным крестным знаменем.

7.2

Димитрий Рева очнулся от холода, проникавшего под черкеску.

Ветерок дул с реки, обдавая свежестью. Было темно. Луна ярко светила, оставляя серебряную дорожку на речных буравчиках. Трава и темные валуны камней были обильно осыпаны блестящими каплями росы. От реки пахло тиной, принесли, видать, откуда быстрые воды пучок подгнившей травы.

– Пока сонцэ зийдэ, роса очи выйишь, – сказал, потягиваясь и разминая тело, Димитрий. – Опять снились мне мои дивчины. К себе клычуть. Эх, була у собаки хата. Усе було та сплыло.

Скупая слеза навернулась на глаза бывалого воина. Вспомнились ему в этот ночной час и жинка, и донечка, и хата, наполненная детским смехом. Не было времени счастливее для него. Любил он тихую и кроткую Фотинью больше жизни. А Марусэнько народылась, так Димитрий наравдаться не мог. Красавицей росла донечка. Разом лишили его счастья бисовы дити, кляты басурмане. Дал зарок себе отомстить варнакам за жизни дорогих своих супруги и доченьки. С момента их похорон искал Димитрий смерти в бою. Но берег его Господь. Видимо, не вышел еще срок его жизни земной. Не окончен шлях судьбы его казачьей.

Страхнув с себя остатки дремы, прошел Рева к реке, несущей неустанно свои воды в даль седых времен. Охолонулся студеной водой. Молодые казаки дремали, не замечая ночной прохлады, идущей от реки. «Пусть сил набираются, – подумал Димитрий. – Отдых – лучшее лекарство».

– Нужно проверить посты, – сам себе тихо сказал или приказал Димитрий и направился к ивняку, где располагался первый пост.

Гнат Рак и Сашко Журба сидели среди зарослей ивняка, затаившись. Умели казаки использовать природу в качестве наблюдательных пунктов, или по-казачьи – залог, или секрет. Черные черкески у обоих покрылись серебристым налетом. Предутренняя роса в горах оседала на всем, куда могла проникнуть. В самом воздухе висел густой, молочного цвета туман. Горная река, не сбавляющая свой ретивый бег ни днем ни ночью, дышала прохладой.

Димитрий неслышно подошел к обжитой на время залогам и вполголоса спросил, все ли спокойно. Получив от казаков утвердительный ответ, он направился ко второму секрету, где дозор несли Степан Рябокобыла и Иванко Пята.

Димитрий Рева намеренно отправил с бывалыми казаками двух молодых, не нюхавших еще порошу, но сумевших проявить себя на тренировочных сборах Пяту и Журбу. «Старики» в подобных походах учили молодых не только тактике ведения боя, но и вовремя осаживали прыть и буйный нрав парубков. «Без старыны нэма новыны», – подначивали опытные вояки молодых казаков. Последние порой лезли поперэд батьки в пэкло, чем могли навредить не только себе, но и общему делу.

«Кажи гоп, як пэрэстрыбнэш!» – любил повторять сам Димитрий, уча молодежь. Казачья удаль не знала границ, и чтобы не метались хлопцы излишне из огня да в полымя, старшие всегда могли надавать тумачков.

Второй секрет был выставлен Ревой чуть дальше от излучины реки, метрах в трехстах, среди валунов. Здесь было намного суше, чем у реки. Туман, хоть и не был таким густым, но все же прозрачными белыми пятнами висел в воздухе.

Димитрий шел, ступая по камням тихо, вслушиваясь в тишину. Чтобы как-то развеять тяжелые мысли, нахлынувшие от недавних сновидений, он напевал про себя: «Туман яром, туман долиною...». Эту знакомую ему с детства старинную казачью песню он напевал всегда, когда душа обливалась грустью. Димитрий гнал от себя воспоминания прошедшего сна, но они все лезли и лезли в голову. Хотелось крикнуть во все горло, чтобы снять напряжение. Не допев первый куплет, Димитрий поднял обе руки вверх и резко опустил их, как будто разрубил узел, связанный из картин прошлого. Стало легче. Рева не заметил, как подошел ко второму секрету. Он негромко ухнул сычом. Из-за ближайшего валуна показались две лохматые тени. Степан с Иванко подали знак – все спокойно. Димитрий подошел ближе.

– Шо скажете? – спросил он, больше для порядку. Он и сам определил по настроению станичников, что ночь прошла тихо.

– Все тихо, – ответил Степан. – Вид тильки йисты хотым, аж пузо до спины прылыпло.

– Хоть кружку айрана бы, – протянул и молодой казак Пята.

– Да с зеленью поструганной, – тут же отозвался Рябокобыла, подхватывая мысль.

– Не журытэсь. Басурмана побьем та и погуляемо. Сам знаешь, Стэпан, на полно брюхо який бой! – ответил Димитрий.

– Да знаю, – протянул казак. – Да разве айран еда? Сам как, урядник? – спросил Рябокобыла. – Что-то смурной ты.

– Думы, братец, думы, – с грустью в голосе ответил Рева и тут же добавил, как бы шутя: – Моя хата з краю. Я станицю збэрэгаю.

Младший урядник Дмитро Рева часто повторял свою любимую поговорку. Действительно, его дом стоял на окраине станицы. Еще батько его хату ту строил. Димитрий мальцом саман месил, отцу помогал его на солнце сушить. Слеги на каркас помогал класть. Стреху чаканом покрывали тоже вместе. Когда застреху крепили, не удержался Димитрий и рухнул вниз. Хорошо, не на плетень. Да и в палисаде земля мягкая была, перекопанная. Отделался испугом да пальцем сломанным на правой руке. Батька тогда за малого Димитрия слякался. Осмотрел руку, успокоился: «До свайбы заживэ. Тэрпы, казак, атаманом будэш». После в церкву станичную пошел. Свечку святому Димитрию Солунскому поставил, за то, что сына уберег, и молебен за здравие сына отцу Иосифу заказал.

Шабэрка бабка Акси́нья – станичная знахарка – палец-то малому Димитрию и вправляла и лечила. Слегка кривым остался палец и полностью не прямился. Поначалу мешало Димитрию, когда учился шашкой рубить да с рушницы палить, но потом привык. Даже пользу извлек от этого. Стрелять сподручнее ему было с пальцем согнутым.

– Сымай секрет, хлопцы. Скоро свитло встанэ. Дальше пидэмо, – сказал Димитрий Рябокобыле и Пяте. Те перемахнули через невысокие камни и, пристроившись сзади Димитрия, пошли след в след за ним.

Сказал свою поговорку, да и пожалел потом. Снова думы стали одолевать Реву. Дом вспомнил, батьку, без времени почившего. Мамка-то пред Господом преставилась, когда Димитрию пяток годков от роду было. Бабка Акси́нья и шептала, и травами-настоями поила, но прибрал Господь рабу божию Марию. Оженившись, назвал Димитрий доченьку в честь матери, Марусей. «Эх, снова все к одному сводится. Куда нэ кынь, скрызь клын, – подумал про себя Рева и, отгоняя навязчивые мысли, вновь махнул руками, рассекая воздух. – Званьє казачье, а жыття собачье».

Вот и излучина реки. Младший урядник Димитрий Рева подозвал к себе казака Пяту Иванко. Распорядился подымать хлопцев и строиться.

– Пока сонце зийдэ, роса очи выйиць! – с задором в голосе сказал Димитрий. Кручина для казака в походе – злейший враг. Дух – он на то и дан, чтобы его в бодрости держать. Рева, подойдя к реке, снял папаху и сунул голову в бурный, обжигающий холодом, поток.

– Бог баче, та нам нэ кажэ, – сказал он, вновь надевая папаху. Холодные струйки воды стекали по бороде и усам, капали за отворот бешмета. Силой и бодростью вновь наливалось тело, превращаясь в нестигаемую сталь.

– Бога бийся, а на сэбэ надийся, – сказал Димитрий громко, сбивая с души последние остатки хмарных мыслей.

Иванко ревностно побежал исполнять распоряжение младшего урядника. Ему хотелось показать себя в этом походе. То, чему его научили.

Через четверть часа отряд казаков вновь был в седле. Димитрий скомандовал: «С богом, братцы!», и казаки походным строем выдвинулись дальше.

Утренняя серость проникала постепенно в ночной туманный воздух. Рассвет, как и закат, в горах наступает внезапно. Казакам нужно было пройти еще с десятков миль, чтобы затем, помогая основной группе станичников, ведомой Миколой Билым, закрыть проход в ущелье. Дабы перекрыть возможный путь отступления черкесам.

Шли шагом, молча. Рева пристально всматривался в склоны гор. Скорее для самоутраждения. Ведь порой и днем не сразу заметишь среди валунов да кустарников фигуры притаившихся за ними горцев. А в данный час, когда свет Айсулу стал лишь ослабевать, разбавляемый серым предрассветным светом, разглядеть что-либо на склоне даже меткому казачьему глазу было практически невозможно.

Рева подозвал знаком к себе Гната Рака и шедшего рядом с ним Иванко Пяту.

– Где-то здесь должна быть наша крепостица. Старшим там Гамаюн, – сказал младший урядник. – Замаскирована она хорошо. Надеюсь, что горцы прошли мимо. Подойдем ближе, нужно будет узнать у Гамаюна, что видели, что знают.

В прибрежных лазлах послышался шорох. Рева поднял правую руку вверх – «Внимание». Станичники замерли как вкопанные. Но тревога была излишней. Из кустов ивняка выскочила горная дрофа и, увидев всадников, вновь скрылась среди густой травы.

Рева повернулся к станичникам и собирался дать команду «Вперед», когда увидел, что сквозь серый предутренний воздух, извиваясь, как будто черная змея, в небо подымается струйка дыма.

Младший урядник, зажмурив глаза, тряхнул головой в надежде, что все это ему кажется. Вновь открыл глаза...

– Не показалось, – тихо произнес Димитрий. Примерно с того места, где по определению должна была находиться крепостица, подымался вверх черный дым. Рева прислушался. Было тихо. Ни громких голосов, присущих черкесам, когда они совершают свои набеги, ни выстрелов.

Димитрий махнул рукой: «Вперед». Отряд двинулся дальше, так же шагом. Пускать коней рысью не было смысла. Кони могли повредить ноги, а конь – это полноценная боевая единица.

Впереди был поворот. Река делала изгиб, уходя вправо. За поворотом начинались заросли ивняка. Чуть выше, на склоне, буйно рос кавказский кедр. Среди этой рощицы и располагалась казачья крепостица – дальний пикет – сторожевая застава. С нее велось наблюдение за приграничными с горами территориями. В нужный момент, когда было ясно, что готовится набег, с крепостницы и посылался сигнал «Сполох».

Отчетливо пахнуло гарью. Огня не было видно, но дым шел густым потоком к небу. Все говорило о том, что горцы, возвращаясь в аул с добычей, заметив крепостицу, решили напасть и на нее. К тому же перевес сил был явно на их стороне.

Рева вновь подал знак: «Стой». Отряд остановился и спешился. Димитрий отобрал из молодых казаков десяток самых крепких. Из «стариков» взял двух братьев Раков и Степана Рябокобылу – богатырского роста, косая сажень в плечах. Рябокобыла хорошо владел баклановским ударом и рассекал своих противников в сшибке до седла.

– Задача такая, – тихо произнес Рева, – рассредоточиваемся по склону и поднимаемся к крепостице. Рушницы наизготовку. Смотреть в оба.

Цепляясь за корни кедров, торчащих из земли, казаки стали подниматься по склону. Подойдя метров на десять к крепостице, Рева дал знак «Затаиться». Перед глазами станичников всплыла трагичная картина недавнего боя. Ворота и часть ограды крепостицы были развалены, от сторожевой вышки и от бывшей небольшой казармы, от которой остался лишь нижний связующий ряд бревен, шел дым. С тлеющей надеждой Рева послал двух братьев Раков разведать обстановку. Те юркими тенями добежали до ворот и скрылись за ними. Прошло минут пять, может быть, десять. В ожидании время идет в совершенно ином измерении. В створе разбитых ворот, точнее, в том, что от них осталось, показался Гнат Рак. Он махнул рукой, показывая, что врагов на территории крепостицы нет. Рева дал приказ двинуться вперед и повел за собой станичников. Казаки не могли и предположить, что им придется увидеть.

– Як Мамай прошел, – отрешенно сказал Димитрий Рева. – Неужто ни одной живой души?!

Казаки дружно закрестились, видя побоище.

В душе урядника еще теплилась надежда. Судя по изрубленным телам станичников, казаки дрались до последнего. По следам крови можно было понять, что и черкесам досталось немало. Рева снял с головы папаху и, медленно ступая, обошел место кровавого боя. Изувеченные тела односумов-станичников. Многих он знал с детства. Теперь они лежали пред ним изрубленные. Димитрий вглядывался в лица, пытаясь разглядеть знакомые черты, но среди павших казаков он не видел командира крепостницы – Гамаюна.

«Неужели его забрали черкесы?! В рабство продадут или обменяют», – Рева пребывал в догадках. Проходя мимо бывшей казармы-землянки, он прислушался – ему почудился стон. Димитрий машинально потянулся к шашке. Стон стал громче и отчетливее.

– Гнат, Стэпан, ходь сюды! – крикнул Рева Раку и Рябокобыле. – Гляньте, шо там.

Казаки подошли ближе. Через развал бревен они увидели окровавленное тело Гамаюна. Одно из бревен лежало на его ногах. Лицо было в кровавой корке, черкеска разорвана справа на груди. Оттуда сочилась тонкая струйка крови.

– Димитрий, ходь сюды! Гамаюн раненый, – выпалил Гнат Рак. Степан Рябокобыла уже освобождал Гамаюна из завала.

Рева опустился на колени и, приподняв голову Гамаюна, снял с него папаху. Волосы на голове слиплись от крови. Кровь, заливая лицо казака, спеклась в одну корку. Рева попытался ее убрать, но получалось плохо.

– Гамаюн, братец, – крикнул Рева. Но подхорунжий лишь стонал.

– Отвоевался казак.

– Вин на ладан дыхает, – сказал, тяжело вздохнув, Степан Рябокобыла. – Не с нами уже. Отходит.

– Языком меньше балтай! – зло одернул его Димитрий. – Бог нэ биз мылости, казак нэ биз щастя! Лучше покумекаем, станишные, как Гамаюна быстрее в станицу отправить. Бабка Аксиныя выходит. И не таких вытаскивала!

Положение усугублялось тем, что Гамаюн потерял много крови. Счет шел если и не на минуты, то на часы.

– Эх, арбу бы сейчас. До Мартанской быстрехонько бы догнали, – вставил свое слово Иванко Пята.

– Проще крылья вырастить, – хмыкнул Рябокобыла.

– Ага. Кэпкуэш, чи ни? Була сыла, як маты на руках носыла. Где визьмеш ту арбу?! – резко оборвал Пяту младший урядник.

– Погодь, Дмитро, хлопець дело кажэ, – встрял в разговор Гнат Рак. – Тильки покумекать трэ...

– Тихо! – одернул его Рева, поднеся руку к губам. – Чуєте?!

Казаки застыли на месте, вслушиваясь в каждый шорох.

Снизу, с дороги у подножия склона, где Рева оставил вторую половину отряда, доносились знакомые звуки. Как будто река перекатывала мелкие камни или кто-то ударял по камням деревянной чакалкой. До слуха донеслись слова одной из народных песен, которую черкесы обычно поют в дороге. Какой-то джегуако негромко пел, прерывая временами песню игрой на камыле.

– Вот и арба! Бог послал! – с радостными нотками в голосе сказал Рева.

– С нами Бог, – закрестились знамению молодые казаки.

– Стэпан, будь ласка, визьми двух хлопцев и гэтэ до низу. Арба эта нужна как воздух!

Рябокобыла не заставил себя ждать. Взяв двух молодых казаков, он змейкой, переступая мелкими шажками, сбежал вниз, к подножию. Несмотря на свой недюжинный рост, Степан довольно ловко и быстро спустился по склону. Молодые казаки, семенящей походкой следовавшие за ним, еле попевали, чтобы не отстать.

Рева оставил у бывшей крепостицы Гната Рака и еще троих молодых казаков, а сам с остальными станичниками спустился вслед за Степаном Рябокобылой.

Тот уже держал под узцы двух запряженных в арбу коней местной адыгской породы. Кони пытались встать на дыбы, чтобы освободиться от незнакомца, но Степан держал их крепко, не давая возможности двигаться. Его руки, словно лещотки металл, держали фыркающую от недовольства двойку шоолохов. Чувствуя силу, державшую их в узде, кони присмирели и успокоились. Чего нельзя было сказать о тех, кто сидел в арбе. Это были два средних лет мужчины и мальчик-подросток. Рева не ошибся, услышав слова песни. Мальчик держал в дрожащих от волнения руках камыль. Его спутники, подняв руки кверху, тем самым показывая, что оружия у них нет, также были напряжены.

Рева подошел к арбе и, приложив правую руку к сердцу по горскому обычаю, поздоровался – «Сау бул!» – и показал знаком, что зла никто горцам не желает. Те немного успокоились и опустили медленно руки. Было понятно, что сидевшие в арбе по-русски не говорят. Среди казаков также не было тех, кто мог балакать по-черкесски.

Рева, насколько у него это получалось, объяснил жестами, что им необходима помощь. Показывая на дорогу, ведущую в станицу Мартанскую, он так же жестами попытался объяснить горцам, что им нужно будет ехать по этому шляху до самой станицы, чтобы доставить туда раненого казака. Горцы, все еще недоумевая, покорно мотали головами, мол, ясно, уважаемый, сделаем. Рева старался держать себя в руках и не искушать себя. С тех пор как потерял он жену и доченьку, лютой ненавистью он пылал к горцам. Для него они все были варнаками. Он не делил их на мирных и воинственных. Но сейчас он понимал, что от этих троих и их арбы зависит жизнь его станичника, односума, друга. А это все не халам-балам для казака. Поэтому младший урядник Рева, не давая воли порывам звериной ярости, которую он испытывал к горцам, мыслил в данный момент трезво, вспоминая слова Священного Писания о други своя. Именно забота о Гамаюне, с кем он делил и кусок лепешки, и глоток воды, и коня в бою, заставляли его быть дружелюбным к этим сынам гор. Те же, в свою очередь, понимали, что откажись они в данный момент или не довезут в целости этого раненого гяура, за их жизни никто не даст и ломаного гроша. В душах горцев смешались вместе и чувство страха и чувство

уважения к этим людям. Тоже горцам, живущим с ними по соседству, таким же воинственным и смелым воинам, но верующим не в Аллаха, а в Ису.

Иисус является в Исламе одним из величайших пророков мусульманской религии и носит имя Иса ибн Марьям аль-Масих (Иса сын Марии мессия). Эпитеты, которыми называют в Исламе Иисуса – раб Аллаха или Абдуллах, посланник Аллаха или расулюЛлах, праведник или салих, слово Аллаха или калиматуЛлах, речение истины или кауль аль-хакк. Также пророк Иса носил имя Масих, что означает «мессия» – таким именем Иисус назван в Священном Коране. Поскольку Иисус носил имя Иса ибн Марьям, то это подчеркивало особую роль его матери Марьям в Исламе.

Пророк Иса по Исламу явился к израильтянам для того, чтобы подтвердить то, что Тора (Таурат) является подлинной, и также принести израильтянам еще одну священную Книгу Всевышнего – Евангелие (Инджил) – новый Шариат. Пророк Иса в Исламе – это один из посланников Всевышнего Аллаха (расулюЛлах), такой же, какими были Нух, Ибрахим Муса и Мухамед.

Иисус в Исламе идентифицируется с пророком Исой, но в Священной Книге Коран отвергается идея Троицы и отрицается представление христиан об Иисусе как о Боге и Божьем Сыне. Священный Коран подчеркивает, что Иисус – раб Божий.

Димитрий послал нескольких казаков вверх, к бывшей крепостице. Те вернулись примерно через полчаса, неся по двое тела павших товарищей. Увидев это, горцы, сидевшие в арбе, окончательно поняли, что требовалось от них. Спрыгнув на землю, они помогли казакам уложить тела и накрыть их рогожей. Раненого Гамаюна несли на волокуше, собранной из веток, четверо казаков. Волокушу укрепили на арбе, чтобы меньше трясло на ухабах. Гамаюна привязали ивовыми ветками к самой волокуше.

Рева подошел к стоящим в сторонке горцам. Где словом, где жестом попытался донести до их сердец, что вверяют в их руки жизнь своего боевого товарища. Горцы в ответ показали, что просьбу выполняют и раненого казака и тела убитых в станицу доставят. Димитрий снял с шеи амулет и, передавая его одному из черкесов, дал понять, что это своего рода пропуск на казачьих залогах и постах.

Подойдя к лежавшему в арбе на волокуше Гамаюну, Рева склонился к нему, прижавшись лбом ко лбу. Что-то прошептал вполголоса. Стоявшие рядом с ним станичники так и не поняли, что именно. То ли молитву читал младший урядник Рева, то ли прощался. В последнее время часто его мысли тяжелые посещали, убиенные супруга с доченькой во снах приходили. Понимали станичники, что не тот стал Димитрий. Гложет его душу тоска, хотя и не показывает он этого явно, но чуйка казачья не подводит никогда. Вот и сейчас гадали односумы-станичники, о чем шептал Димитрий Рева, склоняясь над раненым Гамаюном.

А Димитрий и вправду, видимо, чувствуя неладное, мысленно прощался со своим боевым товарищем. Нет! Он был уверен, что горцы, давшие слово свезти тела в станицу, обещание выполнят, чего бы это им ни стоило. Цену слову они знали. Димитрий сомневался в том, что он вернется живым из этого похода. Уж много знаков было ему за последнее время. Подняв голову, он перекрестил Гамаюна и лежавшие рядом с ним тела станичников и, надев снова папаху, махнул резко рукой: «Трогай». Один из горцев хлестнул коней, и арба затряслась по каменистому шляху, ведущему в родную станицу. «Помоги, Боже!» – прошептал Димитрий, когда арба с телами его товарищей, подпрыгнув на очередном ухабе, скрылась за большим валуном.

– Хрыстос в небесах, а душа в телесах, – сказал он стоящим несколько позади него казакам. – Бог души нэ возьмэ, покы вона сама нэ вылэтыть!

– Так, Дмитро! Так! – ответил, подошедший к нему Гнат Рак. – Бог нэ выдаст, свиния нэ зыйист.

7.3

– Смотри, – закричал Филимон, подцепив ногой ремни с шашкой в ножнах и простым кинжалом. – Я иду, и тут меж камней блеснуло что-то. Дай, думаю, посмотрю! А это схрон чей-то!

Михась, младший брат сотника Миколы Билого, скинул с плеч тушу молодого кабанчика – повезло на охоте – и быстро подошел к другу.

– Дай посмотрю.

– Казачий схрон! – ликовал Филимон, и в предутреннем сумраке лицо его светилось от счастья.

– Дурень ты, – сказал Михась и покачал головой. Хлопец потянул чужую шашку из ножен. Блеснула ухоженная сталь. Беспокойство усилилось. – Дурной знак. Кажись, беда случилась великая, раз казак свое оружие оставил.

– Да что могло случиться? – беззаботно хмыкнул Филимон. – Ну, отрабатывали, может, какую учебную тревогу – видели же дымы, не зря твой брат ученья проводит.

– А то, Филя, и случилось, – сказал Михась и посмотрел вверх на гладкую стену камня, бесконечно уходящую ввысь. – Что никто просто так лезть к небу не станет. Если только не такой дурной, как ты.

– Да ни, – Филя неистово закрестился. – Дураков нэма так рисковать.

– Выходит, есть – кого-то нужда толкнула!

– И что делать станем? Заберем оружие в станицу или дождемся хозяина?

– Я думаю, искать надо хозяина. Рядом он где-то. Не мог не вернуться за шашкой своей.

Глава 8

8.1

«Починаяэ развыдняться», – сказал сам себе сотник Мыкола Билый, мотнув головой из стороны в сторону, как будто стряхивая остатки дремоты. Сумрак отходил, уступал, и предметы вокруг вырисовывались четче.

– Василь! – слегка толкнул он спящего приказного Рудя. Казак замычал, дергая ногой, лягая кого-то или спеша по своим делам даже во сне. – Василь! – чуть громче повторил Билый. – Проспался?

Рудь, вздрогнув телом, открыл глаза:

– Дядько Мыкола. Я ж чуток. Зовсим нэ спав. Тильки очи прикрыв, – с нотками оправдания в голосе, сказал приказный, сонно хлопая глазами.

– Та ладно! Нэ прыбрэхуй. Спав як вбытый, – в шутку подначил Василя Билый. – Скоро развыдняться почнет. Нам к тому времени трэба к аулу спуститься. Черкеса врасплох возьмем – полдела выиграем. Потому как не у себя дома.

Василь стряхнул с себя остатки сна, мотнув чубатой головой. Снова надел папаху на свою буйную головушку, встал, сделал несколько шагов, разминая затекшие в ичигах ноги, потянулся и провернул руками вперед, словно шашкой вострой ворога кострычнул.

«Махнул ручищами, будто ту свиню гэпнул, – усмехнувшись в густые усы, подумал сотник Мыкола Билый. – Гарный хлопец, та и казак справжний. Вот тильки витер в голове порой такой, шо ногам покою нэ дае».

Василя станичники любили. Добрым был казаком. С подпарубка рос без батьки. Не вернулся отец его, Федор, с очередного похода. Когда через реку переправлялись, погрузили казаки свое оружие и седла, как водится, на салы. Когда до берега добрались, салы Федора без него к берегу прибило. Плавал Федор хорошо, лучше него никто в станице навываши не мог плыть. Так и не нашли его тела казаки. Без вести пропавшим считали в станице. Нона, жена его, убивалась по нему первое время. Молитвой да слезами рану душевную затянула. Но не приняла того, что Федора в живых нет. Дед Трохим неделю первую после известия трагичного с хаты носа не показывал. В красном куте лампадку жег, святому Егорию молился, святому Миколе Чудотворцу. Прошло время, Василь из подпарубка в казака вышел, но дед Трохим до сих пор на окраину станицы выходит, сына Федора выглядывает. «Не убит – значит, живой», – говорил дед Трохим станищикам. И все выглядывал в даль, не покажется ли на степном шляхе сын его Федор, отец Василя. А Василь тем временем мужал, казаком становился. Воспитывали внука дед Трохим и отец крестный Иван Колбаса. Кому как не крестному нести ответственность за крестника? Уж так повелось у казаков, что если батьки нет, то крестный вместо него остается. Не было у казаков чужих детей. Все малые станичные своими были для каждой семьи. Так и Василь рос станичным любимцем. Но нос не задирал, коньки нэ вэкэдал. Трудолюбивым был, да и в воинском искусстве преуспел. В рудевскую породу был. Рослый, двухметровый молодец, косая сажень в плечах, кулаки что те молоты. Как-то на спор бычка двухлетку с одного удара свалил. Дед Трохим в нем души не чаял. Себя видел в нем. Да и внук деда любил. Все было в Василе справжно. Одна беда – девок любил. За то ему не раз от деда попадало.

– Ты, Василь, на одну глянэ, а всих тэбэ жалко! Доведешь себя до оказии, бисова душа! – стыдил внука дед. А тому как будто вожжа под хвост коню. По молодости тело в узде держать не умел, да и не хотел особо.

Догулялся лихой казак. Хохлушку из наемных спортил, на радостях еще и на грудь добрую макитэрку чачи принял. Хохлы-гамселы решили Василя проучить. Подстерегли его, когда тот навеселе с шинка выходил. Оказалось – на свою беду. Василь им тумачков надавал, те с гулями недели две ходили. Отделал их Василь знатно. Сапатки набыл до не хочу. Домой дошел, но, не заходя в хату, прошел на баз и в копне сена уснул. Проснулся поутру от холода. То дед Трохим ведром ледяной воды с крыницы окатил. И нагайкой пару раз огрел.

– Ты шо, паршивец, робишь! Хфамилию позорить?! Бисова душа. Гэть с глаз моих! – разозлился тогда дед Трохим не на шутку.

Хохлы ж как тень на плетень навели, свилогузначали, донесли на Василя атаману станичному. Тот долго разбираться не стал. Хохлам досталось за то, что кляузу написали. А Василю за проступок двадцать ударов батогами. Гузню полдня в воде отмачивал.

Пришло осознание того, что сделал. Перед дедом на коленях прощения выпрашивал.

– Бог простит, унучок! – сказал в сердцах дед Трохим. – Языком болтай, а рукам воли нэ давай! Сам согрешил, да и меня, старого, под монастырь подводишь?!

Дед Трохим отходчив. Простил внука за содеянное: «Умив гришыть, умий и каяця!»

Покаялся Василь. Перед станичниками покаялся. К отцу Иосифу на исповедь ходил. Камень с души упал. Но спокойствия не было. Чувствовал вину за собой и не знал, как это чувство в себе победить.

– Разчумался? – спросил Билый, когда Василь вновь подошел к нему.

– Так точно, господин сотник! – четко, по уставу ответил Василь, вытянувшись в струну.

– Добре. Буди казаков, Василь, – приказал Микола.

Василь исчез в темноте. Не прошло и четверти часа, как он докладывал Билому о выполнении приказа.

– Я еще к коневодам заглянул, ваш приказ передал, – неумело шелкнув задниками ичиг и вытягиваясь во фронт, доложил Рудь.

– Экий ты кубаристый! Чай не на плацу, – подметил Билый. – Присядь. Пока казаки собираются, потолкуем.

Василь, предвкушая тему разговора, принял серьезный вид. «Скорее всего, дядько Мыкола за мой проступок говорить станет», – мелькнула мысль. Василь присел, тяжело вздохнув и поправив папаху, виновато посмотрел на своего командира. Хоть и получил сполна и раскаялся, но вину за собой тяжкую чувствовал.

– Дядько Мыкола, нэ вэнуват я. Вони втроем мэня вбыть хотели, – попытавшись угадать тему разговора, выпалил Василь. – Я же их только отталкивал от себя. Вот те крест! Ну, может, кого случайно задел...

Билый посмотрел на него пристальным взглядом:

– Я нэ вынувата, и Гнат нэ вынуват – вынувата хата, шо впустила Гната? Так, чи ни? Эх, Василь, Василь, чужий стыд – смих, а свий – смэрть. Только не за то я хотел побалакать с тобой. – Билый слегка толкнул Василя в плечо. – За проступок свой ты уже покаялся. Кто помянэ, тому глаз долой.

Молодой казак немного успокоился: «Тады сотник распэкат не будэ».

– Василь, – нарушил его мысли Билый. – Ты в семье один хлопец. Традиции наши знаешь. Поэтому в бою из огня да в пылымя не лезь. Меня держись. Лишний раз не высывайся. Понял?

Внук деда Трохима погрустнел. Хотел в бою геройством блеснуть, доказать всем, что можно на него положиться, а теперь, выходит, за спину сотника прятаться?

– Понял, ваше бродь. Как не понять.

Билый заметил смену настроения приказного:

– Шо зкрывывся, як сэрэда на пьятныцю? А сгинешь, кто род продолжит? О мамке подумал? О деде Трохиме? Без ума казаку – сума, Василь. Нэ журысь, моль одэжу йисть, а пичаль

чоловика. Я деду твоему обещал приглядеть за тобой. В общем, Васыль, – это приказ. Наша доля – божья воля, – сказал как отрезал сотник, давая понять приказному, что разговор закончен.

Тем временем казаки, приведя себя в порядок на скорую руку, уже строились на небольшом колтычке.

Билый вышел перед строем. Осмотрел, насколько позволял предрассветный час, казаков.

– Здорово ночевали, станишные, – поздоровался.

– Слава богу, – дружно ответили казаки.

– Долго говорить не буду. На святое дело идем. Не чужое отбирать, свое возвращать. Недаром наши деды говорили: чужэ нэ займай, а свое нэ заграй. Отобьем охоту басурманам наших коней уводить да девок красть. На том предки наши стояли и нам велели. С нами Бог, станишные. – Речь сотника Миколы Билого была короткой, но емкой. До глубины души проникла она в каждого казака, стоявшего сейчас перед своим командиром. У каждого из стоявших был свой счет к черкесу. Не терпелось его предьявить.

– Браты, – вновь обратился Билый к станичникам, – теперь по существу. Аул, куда черкесы угнали наших коней, судя по тому, что рассказал салмач товаричий, находится с другой стороны склона. Стекаем по склону, рассредоточиваясь в боевой порядок. Там пластаемся на подходе к аулу. Дальше побачим. Бог укажэ. Мы – пластуны. У нас вовча пасть и лисий хвист. Коневоды остаются здесь. Глядите в оба!

Кромка неба, цепляющаяся за каменные зубья скал, начала светлеть. Скоро взойдет дневное светило, озаряя все кругом своим светом.

«Для пластуна ночь – подруга. Нужно успеть атаковать аул, покуда не развыднялось», – подумал Билый и, повернувшись к своим станичникам, махнув рукой, сказал:

– Гайда! Вперед!

Словно стая степных кобчиков, плавно, равномерно двигаясь след в след, казаки начали спускаться.

Билый намеренно повел отряд резко вправо. Склон здесь был круче, что создавало некоторые трудности при передвижении. Но таким маневром они предотвращали возможную встречу со вчерашними пастухами. Она была нежелательна. Кто знает, что на уме у горца. Ведь только кунаку можно было доверять как себе.

У многих казаков были кунаки в горских аулах. Это была не только дань времени. Этого требовала система кавказского общежития, объединяющая многие горские племена и народности, к которым относились и казаки.

Продолжительное время соседствуя и взаимодействуя с кавказскими народами, казаки впитывали в свою культуру и быт новые черты, одновременно передавая часть черт своей культуры горцам. Наиболее сблизилась с кавказскими племенами кубанские и терские казаки. Казаки и горцы, поддерживавшие куначеские отношения, были взаимно связаны долгом гостеприимства, и в каждой станице можно было встретить казачьи семьи, которые заводили себе друзей в горских аулах и называли друг друга кунаками. Они часто приезжали друг к другу в гости, дарили подарки, оказывали взаимную помощь во время сельскохозяйственных работ. Кубанские казаки куначились в основном с кабардинцами, кумыками. В Кумыках и Кабарде были лучшие оружейники, седельники, серебряки. Казаки водили с ними дружбу, принимали у себя горцев, так как знали их язык. Порой казаки давали детям кабардинские имена и прозвища, поскольку имели в Кабарде приятелей и кунаков. Бывало, что в семье станишника воспитывался сирота – ногаец, калмык или горец, которые, повзрослев, получали все казачьи права, становились, настоящими казаками, и за них могли выйти замуж девушки – казачки.

Гостеприимство и куначество в свое время стали той благодатной почвой, на которой зародились и получили развитие всестороннее взаимодействие и сотрудничество русского и кавказских народов, стали основой укрепления дружбы между ними. В период Кавказской

войны куначество было одной из главных составляющих в постоянном поиске формулы компромисса. Многие представители кубанского и терского казачества братались с горцами и становились их кунаками, понимая, что дружба, взаимопонимание, уважение к иноплеменной культуре дают куда большие результаты, нежели ссоры и распри.

Кунак – это не просто друг, приятель, это – человек, не связанный узами кровного родства, но несущий обязанности близкого родственника. По отношению к кунаку отношения дружбы сохранялись на всю жизнь. В любых обстоятельствах такие друзья должны были помогать друг другу. Кунаки принимали взаимное участие в различных жизненных ситуациях: в свадьбе детей, строительстве дома, похоронах членов семьи, необходимости выплаты цены крови при примирении близкого родственника-убийцы с родом убитого, в возмещении ущерба, нанесенного стихийным бедствием, и других. Часто такая дружба передавалась из поколения в поколение. Семья, имевшая много кунаков, пользовалась уважением в селе, поэтому каждый по возможности старался иметь своего кунака в других селах, и особенно среди представителей соседних народов, в частности, казаков.

Обычай названного родства – куначество – устанавливалось побратимством, ритуалом, который сводился к тому, что двое мужчин на основе крепкой дружбы клялись друг другу в вечной верности, взаимопомощи, взаимоподдержке. В знак верности клятве они надрезали себе руки и пускали кровь, обменивались оружием.

О совершении обряда побратимства сообщалось семьям и родственникам обеих сторон. В честь этого большого события у одного из названных братьев устраивался обед, куда приглашались друзья побратимов и члены их семей.

С этого момента обе стороны принимали на себя традиционные обязанности истинных родственников.

В ауле, на который готовились напасть казаки, кунаков ни у кого из станичников не было. Тем сильнее была жажда мести. Тем решительнее при приближении к горскому поселению становились казаки. Стаей волков сливались казаки к подножию горы. В своих черных черкесках и длинношерстных папахах они действительно были похожи на хищников, готовых разорвать в клочья тех, кто встанет у них на пути.

Аул Бенькьо, атаку на который готовили Билый с казаками, был по черкесским меркам большим и процветающим. Когда еще была цела крепостица, подхорунжий Гамаюн не раз отправлял в разведку своих пластунов. Те возвращались с данными о численности жителей, количестве жилых построек, наличии укреплений. Всех тех данных, которые важны, когда речь идет о возможных военных действиях с предполагаемым противником.

Аул насчитывал, по последним данным, около двухсот двадцати жителей, включая женщин, стариков и детей. Всего в нем находилась пятьдесят одна хижина. Поселение горцев тянулось вдоль ручья того же названия и считалось самым большим в этой части Черкесии.

Построены хижины в принятой здесь манере, то есть жилища не разбросаны друг от друга, но расположены как бы вокруг большой площади, среди деревьев. За каждой постройкой своя плантация и поле.

Жители аула занимались земледелием, используя для этих целей труд рабов – пленных солдат и бедняков. Основной вид деятельности, чем промышляли черкесы, был разбой. Пленных женщин, мужчин, детей продавали так же, как и угнанный скот и коней. Отличие было лишь в том, что людей продавали в рабство. Невольничий рынок процветал на Кавказе. Особенно ценились русские женщины и казачки, которых охотно покупали турецкие паши для своих гаремов.

«Вот и аул», – подумал про себя Билый, когда сквозь предрассветный туман, который в этих местах не редкость, проявились очертания черкесских хижин и смотровой башни. Как и предполагал Микола, ориентируясь на данные разведки Гамаюна, аул представлял собой форму большого круга, по периферии которого располагались хижины. В центре хижины схо-

дились к площади, на которой возвышалась смотровая вышка. Еще две вышки, выполнявшие роль сторожевых, находились у северной и южной части аула. С запада аул упирался в скалистую гору, что создавало природную защиту от непогоды и неприятеля.

У черкесов была патриархальная семья (семейная община), численность которой колебалась от двадцати до ста человек, включая рабов. В каждом дворе жили все представители одной семьи: родители, все их сыновья (женатые и неженатые) и незамужние дочери. Если у них были рабы, то они, независимо от их численности, тоже жили в его составе. Поэтому часто количество жителей одного фамильного двора было до ста человек, а иногда и больше.

Каждый двор обносился высоким и хорошо сплетенным забором, сверху которого был терновник. В центре двора располагалась пустая площадь, с одной стороны которой полукругом стояли сакли⁷⁸, а с другой – загоны для мелкого и крупного рогатого скота.

В середине саклей находилось юнэ-шуа, где жил глава семейства со своей женой и детьми, не достигшими еще двенадцати лет. В остальных постройках проживали уже взрослые дети. Каждый женатый сын имел собственную хижину для себя и своей семьи. Взрослые, но еще незамужние дочери также жили отдельно от родителей. Все сакли были обращены фасадом к середине площади. Таким образом, во дворе многочисленного семейства располагалось двенадцать-пятнадцать саклей.

Сзади жилых хижин размещались амбары, кладовые и отгороженные стога сена и соломы. Загоны для рогатого скота и навесы для домашней птицы делались плохо защищенными от погодных условий. К каждой сакле была пристроена маленькая конюшня для пяти-шести лошадей, но она отделялась от жилого помещения легкой перегородкой. Дверь стойла запиралась изнутри сакли. Это позволяло черкесу, не выходя во двор, быстро сесть на коня и выехать прямо в бой, а его семье – удалиться в безопасное место, взяв при этом самое необходимое и ценное имущество. Если черкес владел одной или несколькими семьями рабов, то их дворы были построены вблизи его двора.

– Логово бесовское, – сказал вслух Билый, когда казаки, рассредоточившись, спустились к неширокому ручью, текущему из аула. – Василь! – позвал Микола.

– Гореть огню, – пробормотал кто-то из станичников за спиной.

– Туточки я, господин сотник, – мгновенно отреагировал приказный Рудь.

– Вот что, хлопец. Метнись вдоль ограды и побачь, есть ли дозорные на вышках. Ты у нас кубаристый, тэбэ и в ступи не пиймаешь. Тильки нозирком! – дал наказ Василию Билый. Через мгновение Рудь уже пластался вдоль высокой, в человеческий рост ограды, тянувшейся по периметру территории аула.

8.2

Ничего удивительного в том, что Филимон обнаружил среди камней казака – горазд он был следы читать и видел то, что другие обычно не замечали – чуйку имел обостренную. Принюхался к ветру, улавливая запахи, а дальше проще стало, когда пошел в нужном направлении – здесь каменюка сдвинута, здесь трава примята, тут капелька крови – растер в руках, а тут и тело лежит.

– Михась! Сюда подь! Кажись, нашел!

– Да ну?! Не брешешь? – Друг встрепенулся, замирая на другом конце поляны.

– Вот тебе крест!

⁷⁸ Сакли – черкесские жилища, как правило, были одноэтажными, удлиненной формы. Сакли строили необычным способом. Их стены сооружались по типу изгородей: вбивались в землю кольца необходимой высоты, а затем переплетались гибкими прутьями. Изготовленный таким образом каркас обмазывался глиной, смешанной с соломой (турлук). Поэтому жилища назывались турлучными. Покрывались они соломенными или камышовыми крышами.

Михась в три прыжка рядом оказался. Присел на корточки, разглядывая тело казака в рваном, с кровавыми подтеками, исподнем, спросил шепотом, пугаясь собственного голоса:

– Живой?

Филя не ответил, пожимая плечом. Казак в ободранном исподнем кровью запекшейся был изрядно попачкан и лежал на животе неподвижно.

– Живой? – снова тревожно прошептал Михась.

– А я знаю? Кто же такой... С неба, что ли, свалился?

– Посмотрим! – Михась осторожно дотронулся до чужого плеча и уже вдвоем с Филей они перевернули тело на спину. Вздогнули оба, когда увидели знакомые черты скуластого лица: заостренный нос с горбинкой, тонкие брови и подстать им усики, сейчас коркой крови покрытые.

– Это же Павло Кочубей с заставы Гамаюна!

– Что он так далеко делает от крепостицы?

Мишка потрогал шею казака, склонился низко к избитому лицу.

– Дышит? – спросил Филя, протягивая флягу с водой.

– Не пойму пока. Лей.

Тонкая струйка стала омыwać разгоряченное лицо казака, очищая ссадины, несколько капель Филя влил и в приоткрытый рот. Михась придерживал тяжелую кудлатую голову и резко дернулся, когда Пашка застонал, ворочаясь.

– Марийка! Марийка! – затвердил он, не открывая глаз.

– Живой! – обрадовался Филя, прекращая лить воду.

Михась бережно положил под голову казака ком подорожных листьев, стараясь не смотреть на любопытного друга.

– Звал кого или показалось? – настаивал тот.

– Сестру никак, – хмурясь, ответил Михась, разглядывая каменную стену – это же каким упертым надо быть, чтобы карабкаться по ней. Шашку бросил. Зачем? Или с горя совсем сбрендил? Знал он, к кому Павло неровно дышит – случайно подслушал разговор старших, но тайны решил чужой не выдавать.

– Смотри-ка! – оживился Филя. – Еле живой, весь поломанный, а о сестре думает!

Павло открыл глаза и довольно осмысленно посмотрел на ребят, с секунду собирался с мыслями, признал:

– Хлопцы.

– Павло! Сорвался, что ли?!

– Сорвался. – Казак тяжело глотнул чистого воздуха, обеспокоенно рукой заводил вдоль тела. Обеспокоился не на шутку.

– Хлопцы... – снова прошептал он, и взгляд его остановился на Михайло. – Я шашку схоронил, когда полез. Найти надо.

Парубки поняли чужую тревогу. Казаку без шашки нельзя – позор на весь род. Филя усмехнулся:

– Вот она. Нашли мы ее первым делом, а потом тебя. Держи!

Казак судорожно дернулся, ухватился за скромную рукоятку, сжимая изувеченные пальцы и прижимая оружие к груди. Михась не мог отвести взгляда от чужой распухшей почерневшей кисти и с трудом выдал из себя:

– Как же тебя подхорунжий Гамаюн из крепостицы отпустил? Или дело какое?

– Дым видели?

– Видели! – живо отозвался Филя. – Поэтому и в станицу возвращаемся – с охоты свернули.

– Шли к секретам. Только два уже кинутых. Новости какие знаешь? – спросил Михась, хмурясь.

– Новости? – переспросил Павло и надолго задумался. Так, что друзьям надоело ждать ответа. И когда они уже особо не надеялись ничего вразумительного услышать, Кочубей продолжил: – Новостей много, хлопцы. Но главная: крепостицы и Гамаюна больше нет.

Глава 9

– Момуля и Мищника ко мне, швыдко, – распорядился сотник Билый, когда приказной Рудь погайсал вдоль изгороди, представлявшей собой традиционное для черкесов плетневое укрепление с воротами, задвинутыми изнутри засовом. Микола, ожидая казаков, нахмурился, рассматривая аул, от цепкого взора ничего не могло скрыться.

Высокие караульные башни, видневшиеся сквозь туман, мрачно упирались колосами в утреннее небо. Они были, как правило, оснащены сигнальным костром, который вспыхивал при малейшей тревоге. Охрана велась и днем и ночью, караульные сменялись регулярно по установленному распорядку.

Сотник думал дальше, взвешивая все возможные варианты.

Данные сооружения возводились на некотором расстоянии от хижин. При нападении противника черкесы, бывшие в карауле, сначала разжигали костер на башне, чтобы подать жителям аула сигнал к эвакуации в безопасное место. После чего, расположившись на своих баррикадах, они начинали обстреливать противника, тем самым удерживая его на время, необходимое для побега и укрытия соплеменников. Затем горцы оставляли укрепление и быстро скрывались сами: только разили из своих рушениц – и вдруг разом исчезали, растворяясь тенями.

Билый вздохнул, подобное в план не входило. Надо было учесть многое. Что еще?

Наряду с этими средствами защиты черкесы делали различные выходы в своих жилищах, чтобы в случае нападения с одной стороны спастись через противоположно направленный выход.

Микола снова тревожно вздохнул.

Зная об этих особенностях, необходимо было выработать тактику боя таким образом, чтобы взять черкесов в кубырь, не дав уйти через запасные выходы в жилищах.

Сотник на собственном опыте владел информацией, что если удавалось напасть на аул внезапно и, полностью окружив его, перекрыть все пути к отступлению, то в этом случае черкесы от мала до велика, все, кто мог держать оружие, становились похожими на загнанных зверей. Мужчины, женщины и дети бросаются с неистовыми криками из домов и стараются воспрепятствовать врагу проникнуть во двор. О сдаче и покорности не может быть и речи. Смысл этого слова черкес даже не понимает, и каждый, без различия пола, защищается до тех пор, пока он может еще двигать хотя бы одним членом. Если враг ворвался во двор, то в домах и вокруг них начинается неистовый бой. Горцы защищаются отчаянно, и почти всегда взятие приступом нескольких саклей и хижин может стоить значительных жертв.

«Надо избежать потери», – и снова Микола тревожно вздыхает.

Очень редко бывают взяты пленные. Билый знал, что легче схватить голыми руками дикую лесную кошку, чем десятилетнего черкесского ребенка. В любом случае жители аула дрались до конца, и их жилища играли роль баррикад, облегчавших горцам ведение боя и позволявших им наносить противнику большой урон.

«Но и казаки были не лыком шиты». – Микола не смог удержать сорвавшейся ухмылки. Постоянная война многому научила.

Многолетний опыт ведения военных действий против абреков на их же территории позволил казакам выработать свою, особенную тактику ведения боя. Аул, как правило, окружали, снимали втихую караул на башнях, и затем следовала внезапная атака. Как удар клинка, мгновенный и разящий. Эта тактика приносила свои плоды. Многие аулы были уничтожены. Те, кто предпочитал жизнь смерти, переходили на сторону Российской империи, вливаясь в ряды российской императорской армии. Из этих горцев создавались дикие дивизии, принесшие славу и доблесть русскому оружию.

– Докладывай! – приказал Билый возвратившемуся Василию. Казак отогнал назойливую мошку от лица и начал четко рапортовать:

– По одному черкесу на башнях стоят. Еще двое у загона с конями. Бдительно сторожат, настороже абреки. Кони, наши и горцев, в одном большом загоне, но разделены перегородкой. В остальном тихо. Ворота закрыты на засов изнутри. В дальнем углу, у второй вышки, плетневое укрепление ниже. Через него можно перемахнуть на территорию, – закончил Василь с неким бахвальством в голосе, ожидая похвалу – разведку местности произвел умело. Сотник нахмурился, скрывая улыбку.

– Добре! – ответил Билый. – Молодец! Укрепление ниже, говоришь?! То нам на руку.

Приказной, истолковав по своему, решил проявить инициативу.

– Дядько Микола, дозвожь... – начал было Василь и осекся под суровым взглядом, пошел красными пятнами. В горле разом пересохло, так что закашлялся, прочищая.

Все не давала ему покоя мысль о геройстве.

– Цыц, баламут! – оборвал его Билый. – Коза мэкае, Мыкола кумэкае. Здесь не нахрапом да удалю брать нужно. Здесь особый подход требуется. Хитростью черкеса брать трэба.

Загрустил Василь, закручинился – жарко ему стало. Думал, что добрую идею подаст. Но вышло по-иному. Не доверяет, видать, сотник.

Билый заметил его настрой:

– Что губы накопулыл?! Пойми, Василь, черкес – то не турок. Здесь одной жоглости мало. Ум нужен да смекалка, чтобы горца победить и одолеть. А без ума казаку – сума. Нэ журысь. За службу тебе спаси господь. Навоюешься еще.

Рудь повернул голову в сторону аула, делая вид, что пытается разглядеть в тумане, что делается за укреплением, а у самого горло сдавило от обиды. Выть хотелось и слезы задушили.

Не понимал он, что сотник просьбу деда Трохима исполнял. Его буйный нрав осаживал, чтобы дел ненужных не натворил. Сваландать в бою – головы не только своей лишиться можно, но и всех казаков под удар поставить.

«Молод еще, горяч, – думал Билый, глядя на молодого казака. – Хоть и опыт имеет. В плавнях черкеса бил. Но то плавни, там свое, там нэнька. А здесь все чужое. Посему ухо держать нужно остро. Отойдет».

Позади раздался шорох. Сотник обернулся. Две темные тени, словно призраки, метнулись к нему. Это были казаки Момуль и Мищник, за которыми он послал. «Наконец-то. Вовремя», – подумал Микола, чехвостить Василя все время было не с руки. Но как по-другому?

– Так, братцы, – сказал Билый, когда казаки мелкими перебежками, почти сливаясь с травой, приблизились к нему. – Скоро у черкесов смена. Ваша задача пробраться на вышки и снять караульных. Дождаться смены и тем въязы звэрнуть. Глядите, шоб ныжче травы, тышэ воды. Трудно, но уверен, что справитесь. Да и на их языке говорите, как на родном. Вам и починать. Как управитесь, знак дайте.

Казаки низко склонили головы.

– Сробим, господин сотник. Не впервой, – в голос ответили Осип и Иван, друг друга дополняя, как одно целое становясь.

– С Богом, братья! – перекрестив обоих двуперстным знаменiem, напутствовал Билый. – Мы друг за друга, а Бог за всех.

Таковыми же мелкими перебежками Момуль и Мищник скрылись из виду. Это были типичные представители казаков-пластунов.

От прочих казаков пластуны всегда отличались как по виду, так и по одежде, даже по походке. Ходили неуклюже, переваливаясь, как бы нехотя; из-под нависших бровей глаза глядят сурово, лицо совсем бронзовое от загара и ветров.

Ползком, прислонившись к земле, скрытый густой травой, прокрадывался пластун в стан врага. Он мог часами лежать ничком, спрятавшись за кочкой или кустом, а то и в реке или болоте, дыша через соломинку-камышину.

Пластунами, говорят, назывались потому, что непоседливыми были и все слонялись по плавням, и поскольку больше им приходилось месить грязь, чем ходить по сухому, сиречь пластать, то и прозвались пластунами. Подражая походке и голосу разных зверей, они умели подходить и выть по-волчьи, кричать оленем, филином либо дикой козой, петить петухом, и по этим сигналам подавали друг другу вести, собирались в партии.

Каждый пластун мог метко стрелять с рушницы. Меткость эту вырабатывали в стрельбе по побережникам.

Побережник – по-другому бекас – птица из семейства куликов, и попасть в нее чрезвычайно трудно: очень быстро летает, постоянно меняя траекторию полета.

Именно пластуны научили пить чай царскую армию, которая до того пила лишь кипяток. Пластуны никогда не пили сырой воды, чтобы не заразиться, а заваривали чай из айра, зверобоя и полыни.

Они носили малиновые эполеты, обшитую малиновым кантом черкеску, малиновый верх на шапке. И традиционный казацкий чуб-оселедец дольше всего сохраняли тоже пластуны.

Соседство с горцами накладывало свой отпечаток на быт и некоторые традиции казаков. Пластуны и одевались, как горцы, причем самые бедные. Каждый поиск по теснинам и дебрям основательно изнашивал обмундирование. Походное убранство пластуна составляли черкеска – потрепанная, покрытая разноцветными заплатами; вытертая, порыжелая папаха, как правило, лихо заломленная на затылок; чувяки из кожи дикого кабана щетиною наружу или ичиги. В руках верный штуцер с тесаком, на поясе – кинжал и прычындалы: пороховница, мешочек для пуль, жирник-масленка, шило из рога дикого козла, котелок. Брали с собой в поиск и ручные гранаты. Если прижимал противник, зажигали фитили и забрасывали его гранатами, а сами – давай бог ноги, спаси Христос.

Дойдя до места у конца укрепления, на которое указал приказный Рудь, Осип и Иван ловко перемахнули через плетень и оказались на территории аула. Присев, осмотрелись, зыря глаза, оценивая ситуацию.

Все было тихо. Селение еще спало. Только на вышках стояли караульные. Иван знаком показал, что берет того, что на дальней вышке, Осипу оставалась ближняя. Казаки перекрестились, разделились и начали.

Убедившись еще раз, что в ауле все тихо, Иван по-кошачьи, ориентируясь в ряду хижин каким-то шестым, подвластным, видимо, лишь пластунам чувством, пересек майдан и, распластавшись на земле, затаился. Роса холодом обожгла кожу лица, казак выдохнул в траву, глядя, как прогибаются под дыханием травинки, и медленно приподнял голову.

Вслушался в тишину темноты. Ни звука. Мертвое время. В этот предрассветный час на баште стоять особенно тяжело. Даже не думается, часового начинает клонить ко сну. Иван это знал и надеялся, что караульный будет менее бдительным, что будет только на руку. До бревенчатой вышки оставалось около пяти метров. «Пора», – сам себе приказал казак, отдавая команду и запуская часы смерти.

Чтобы не вызвать подозрения, Иван осторожно поднялся, стараясь не брякнуть оружием, и медленно, развалистой походкой, по-черкесски, прошел к основанию лестницы. Прислушался. Ничего по-прежнему не нарушало тишину. Лишь кони всхрапывали в темноте да изредка били копытами землю, переминаясь в беспокойстве от нового места.

Караульные вышки черкесов по своему устройству были схожи с теми, что строили казаки. От основания до бойницы, расположенной в пяти-шести метрах над землей, вела лестница. Боковины закрывались стенками, как правило, плетеными из ивняка. Крыша крылась чаканом или камышом. Зная об этом, Иван без особого труда поднялся по лестнице. Перед

подъемом к бойнице вновь прислушался. До его слуха донесся легкий храп. Караульный стоя дремал, прислонившись к стойке. Ему, может, даже казалось, что он не спал, то был минутный крепкий и глубокий сон, похожий на пропасть, в которую проваливаешься.

Скрестив руки, горец придерживал черное ружье с отполированным от долгого применения прикладом и цевьем. Голова абрека, опираясь на руки, клонилась в сторону. Мимолетный сон стал роковой ошибкой, стоившей ему жизни. Казак, не раздумывая, в два прыжка оказался возле черкеса и, выдергивая на ходу из-за голенища правой ичиги свой нож, резко всадил его в шею врага. Тот лишь успел открыть выпученные в страхе глаза и задохнулся в немом крике, хлопая веками с длинными ресницами.

Иван провернул нож, и абрек вздрогнул в конвульсиях. Заваливая рукой обмякшее тело черкеса – полежи, воин, покойся с миром, – Мишник осмотрелся, инстинктивно прижимаясь к стене и растворяясь в тени, переводя дыхание. Прошли секунды, но мало ли, вдруг сумел нащупать и привлечь чужое внимание? Тихо. В камыши-ной крыше затренькал сверчок. Иван кивнул насекомому и решил, что сработал четко. Теперь нужно ждать сигнала Осипа и, дождавшись смены караулов, повторить маневр со вторым караульным.

Момуль тем временем бесшумно подымался по лестнице к смотровой площадке первой вышки. Как и Иван, Осип, замирая на месте, вслушивался в тишину. Ветка лестницы под ногой опасно прогнулась, но выдержала, в последний момент казак перенес тяжесть тела на другую ногу. Замер. Под мышкой взмокло, и по телу потекли капли холодного пота.

Тихо, только сверху, у бойницы, слышались поскрипывания плетеного из ивняка пола. Караульный не спал. Казак мог видеть его ноги, когда тот, проходя по периметру смотровой площадки, останавливался перед люком. План созрел мгновенно. Медлить было нельзя. Дождавшись, когда черкес сделает новый круг и остановится у люка, Осип, присев, выпрыгнул кверху, выпрямляясь в струну, схватил черкеса за голенища сапог и с силой рванул на себя, стягивая вниз часового. Не давая опомниться обезумевшему от неожиданности горцу, казак зажал ему своей крепкой ладонью рот, потянул голову на изгиб вверх и полоснул кинжалом по горлу. Горячая струя брызнула из раскрытой смертельной раны, заливая плетеный пол. Черкес захрипел, засучил ногами. Захватал за руки, но хватка быстро ослобевала. Тело горца, содрогаясь в предсмертных судорогах, напряглось и спустя мгновение обмякло.

«Эх, хай йому грэць, – чертыхнулся тихо Осип, – кровы дюже богато налив. Перепахался весь». Отерев холодную сталь кинжала о черкеску горца, Момуль перевернул бездыханное тело на спину. «Так меньше течь будэ», – подумал казак. Поднявшись осторожно на смотровую площадку вышки, он всмотрелся в туманную утреннюю хмарь. В сером воздухе уже можно было различить очертания местных саклей и жилищ. Заметив на противоположной вышке движение и признав знакомую фигуру Ивана, Осип махнул ему рукой: «Все добре». Друг ответил таким же знаком.

Снизу послышался негромкий говор. Момуль, наклонившись, посмотрел туда, откуда слышались голоса. Внизу стояли трое черкесов. В руках один из них держал то ли ведро, то ли бадейку. Видимо, это был тот, кому было поручено приглядывать за лошадьми. Двое других явно были сменными караульными. Значит, с минуты на минуту следовало ждать «гостя». Что-то тихо сказав друг другу, так, что слов не разобрать, черкесы разошлись каждый по своим делам. Осип заметил, как горец с ведром прошел в загон, где временами слышалось конское фырканье. Один из предполагаемых караульных направился к вышке, на которой сидел Иван. Другой стал не спеша подыматься наверх, прямо в руки. «Иди же сюда! Быстрее», – пронеслось в голове. Осип напрягся как пружина. Нужно было действовать молниеносно. Своих черкесы знали хорошо. То, что Момуль владел их языком, не говорило о том, что к нему не отнесутся с недоверием или не примут сразу за чужака. Нюх на гяуров, коим враждебные горцы считали не только русских, но и казаков, у них был, как у хищников на добычу.

До уха Осипа долетело учащенное, шумное дыхание черкеса. Пахнуло чесноком и смешанным запахом пряностей.

Так дышит человек, когда ему приходится преодолевать какое-то препятствие или подыматься в гору. Оставались считанные секунды. Здесь или пан, или пропал. Сейчас!

Осип, присев на корточки, казалось, слился с плетеным полом вышки, разделяющим смотровую площадку и лестницу. В руках застыл, отливая серебряным светом, кинжал. Черкес в натянутой на глаза мохнатой папахе медленно подымался по лестнице. Не заметив в углу темный силуэт убитого товарища, он, видимо, думая о чем-то своем, ступил на последний пролет лестницы. Вот и проем. Над люком показалась голова горца и плечи в потертой черкеске. Удобная позиция для атаки. Момуль резко поднялся. Черкес, заметив его, потянулся было за ружьем, висящим на плече, но Осип среагировал молниеносно и с силой выбросил вперед руку с зажатым в ней кинжалом. Сталь легко вошла через подбородок и, пробив тонкие внутренние перегородки лицевого черепа, вонзилась в мозг. Черкес не успел и пикнуть. Смерть наступила мгновенно. Казак подхватил тело и резким рывком вытащил абрека из люка. Ноздри продолжали хищно раздуваться, но сердце с каждым ударом успокаивалось.

– Ну шо, бисова душа, погупотил и буде. Хамылай тэпэр до своего бога, – негромко произнес Осип, когда успокоился, отирая кинжал о рукав черкески варнака. Сняв папаху, казак осенил себя двуперстным знамением, произнеся:

– Господи, прости грэшного!

Затем, вновь надев папаху и уложив кинжал в ножны, он, привстав на одно колено, всмотрелся в направлении другой вышки.

Второй караульный в этот момент подымался по лестнице. Осип видел, как метнулась тень к черкесу. Как завязалась между казаком и горцем борьба, как оба они скатились по лестнице на нижнюю площадку. Как занес друг руку над черкесом. На мгновение блеснул карбиж, и рука Ивана резко опустилась на тело черкеса. Через минуту Мишник, медленно вставая, махнул рукой: «Сработал», он даже не сомневался, что за ним наблюдает сослуживец.

Вот и все. Осип прижался спиной к плетеной сене и вытер испарину. Дело сделано.

Оставалось открыть ворота и впустить ожидавших снаружи станичников.

Иван ловко спрыгнул с нижней площадки башни и по-кошачьи прокрался к запертым воротам. Тела его противников остывали наверху, а души уже неслись к гуриям, обладающим, по преданию, поразительной красотой, покоящимся на драгоценных коврах в роскошных, вечно зеленеющих садах. В их объятиях правоверного ожидало бесконечное блаженство. «Да нехай!» – подумал мимолетно казак и сплюнул.

Подкравшись к воротам, Иван осмотрелся. Чуть поодаль, на второй вышке, маячила фигура Осипа в черной длинношерстной папахе. Где-то в глубине аула послышался стук. Мишник вновь посмотрел на вышку, где находился друг. Тот махал ему рукой, делая знак затаиться. Казак присел. Через майдан в направлении загона, где стояли лошади, прошел черкес, держа в руках что-то, напоминавшее лопату или сапу, в сумраке толком не разглядеть. Иван, дождавшись, когда черкес скроется из виду, надавил на засов, закрывавший ворота. Крепление поддалось с трудом. Мишник, толкнув створ ворот, просунул голову в образовавшийся проем. Крикнул сычом, давая понять, что путь свободен.

Аул, как правило, был обнесен оградой из нескольких рядов плетня, пространство между которыми заполнялось землей. В оборонительных целях также возводились и сторожевые башни, располагавшиеся обычно на противоположных сторонах аула. Ворота черкесы делали деревянными или плетеными в несколько слоев. Преодолеть ограду с ходу не представлялось возможным. Штурмующие становились легкой мишенью для обороняющихся. Отворив ворота, нападавшие оказывались в более выгодном положении, занимая удобные позиции для атаки.

Увидев Ивана и поняв по его знаку, что путь свободен, Билый дал приказ казакам двигаться вперед. Зная тактику оборонительного боя у черкесов и их способность незаметно скрываться в заранее оборудованных ходах, Микола распределил несколько казаков по периметру изгороди, а основную группу повел к воротам. Казаки в одно мгновение раскрыли тяжелые створы, открывая себе путь.

– Карабут! Деркач! – позвал сотник. – Вам задача пробраться к загону, где черкесы держат наших коней. Коней выпускайте, они сами дорогу в станицу найдут. Затем к нам присоединяйтесь.

– Так там же и черкесские кони могут быть, – ответил Деркач.

– Та и хай с ними. Вали кулем, потом разберем, – подытожил Билый, махнув рукой.

– Хлопцы, – обратился он к остальным казакам. – Атакуем с ходу. Не даем опомниться варнакам. У них один путь спасения – через ворота. Остальные пути станишники наши, что за укреплением стоят, перекроют и там их встретят. Если где лазейки у черкесов к отступлению и приготовлены, то только в одном месте, где аул к скале примыкает. Но там наши на выходе их порубят. А там война план покажет. Гуртом и батька лэгше быть. Ну, с Богом!

Казаки закивали, соглашаясь и принимая наказ.

– Василь! Рудь! Ходь до мэнэ. Шо, скис чи ни? Казак пэрэд лыхом нэ плачэ! Рядом будь, – сказал как отрезал Билый. – Станишные, рушницы на изготовку! – приказал Микола.

Карабут с Дергачом перебежками добрались до загона, где черкесы держали украденных коней. Черкес, которого видел Иван Мищник, поил коней. Напевая себе под нос то ли молитву, то ли какую-то свою черкесскую песню, он не замечал две темные фигуры в черкесках, тайком крадущиеся к загону. Горец и не догадывался, что в родном ауле на майдане в данный момент находится целый отряд заклятых врагов – гяуров. Не знал и о том, что минуты его вольной, свободной жизни сочтены.

Горцы говорят «свобода – первый среди земных даров». Свобода для горца была неотъемлемой частью его существования, и защищать ее он готов был всегда от любого посягательства. Мог быть бедно одет, но всегда преисполнен достоинства, независимости и личного превосходства. Редко горцы давали брать себя в плен, неволя для них становилась страшнее смерти. Черкес всегда готов был к набегу и бою. Еще в девятнадцатом веке среди них встречалось немало панцирников, оборонительные доспехи которых состояли из шлема, кольчуги, налокотников, боевых перчаток. Стандартом вооружения горца были винтовка или ружье, кинжал и шашка. Бритую голову черкеса прикрывала папаха, по обеим сторонам верхней одежды на груди были нашиты газыри – гнезда для ружейных патронов, число которых доходило до двадцати восьми. На поясе крепилась сумка с принадлежностями для чистки оружия и жирница – металлическая коробочка с маслом для тех же целей. Все необходимое черкесу в набеге или бою он носил с собой. Ружейная отвертка служила огнивом, кремь и трут находились в кожаной сумке на поясе. В одном газыре хранились нитки и кусок смолистого дерева, чтобы в любую погоду быстро развести огонь. Рукоять плети и конец ножен шашки были обмотаны пропитанной воском бумажной материей – скрутив ее, получалась свеча.

Оружие подгонялось и не мешало одно другому. Ремень на ружье был пригнан так, что черкес мог зарядить его на полном скаку, выстрелить, перекинуть через левое плечо и тотчас обнажить шашку, которая помещалась в обтянутых сафьяном деревянных ножнах, чтобы не производить шума во время езды. Со своим кинжалом черкес не разлучался ни на миг, разве что на время сна, да и то в стенах родной сакли. Ничто на нем не брэнчало и не болталось, не блестело скрытое в чехле ружье, мягкий и гибкий чувяк, надетый на ногу, делал ногу черкеса похожей на лапу тигра. Даже конь горца был приучен не ржать в засаде.

Конь же был выезжен так, что не боялся ни огня ни воды. Тонкая плетть не причиняла ему боли, чему также способствовал прикрепленный к концу тонкий кусок кожи, который понукал коня хлопающим звуком. Седло было легким и удобным – черкес по неделям мог не рас-

седлывать своей лошади. За седлом всегда имелся запас продовольствия, сошки для стрельбы и тренога. Оружием горцы дорожили, особенно старым. Не случайно среди них ходила поговорка «Смерть джигита в бою – плач в его доме. Потеря оружия – плач в целом обществе». Национальное воспитание облагораживало их души, закаляло их моральный дух и приучало переносить усталость и трудности войн и долгих путешествий. Они жили простой, поистине суровой жизнью, воздерживаясь от всякой чувствительности.

Казаки незаметно приблизились к загону. Карабут остался за оградой, посматривая по сторонам. Деркач же, осторожно, чтобы не испугнуть коней, перемахнул через плетеное ограждение. Стоящий рядом конь фыркнул и негромко заржал. Черкес поднял голову и моментально насторожился. Крадучись прошел ко входу в загон. Было ясно, что конь испугался неспроста.

«Гяуры? Проворонили? Часовые спят, что ли? Или уже на пути к Аллаху? Нужно успеть добежать до ближайшей сакли и поднять тревогу», – мелькнула мысль в бритой голове, покрытой папахой из козлиной шкуры. Одним прыжком черкес перепрыгнул через ограждение и почти лоб в лоб столкнулся с Карабутом. Видимо, от волнения горец сразу не признал в Осипе врага и выпалил: «Цигахь гаур!»

«Якши!» – ответил Карабут, недобро улыбаясь и протягивая руку к пашке.

Черкес, опомнившись, дернулся назад и, видя свою смерть, успел лишь сказать: «Аллаху акбар».

Остро отточенная сталь со свистом рассекла воздух, и бритая голова черкеса, отделившись от тела, покатила под ноги стоявших у ограды загона коней. Кони шарахнулись в сторону, нервно вдыхая воздух. Как цепная реакция, разнеслось громкое конское ржание.

Не теряя времени Осип Карабут и Степан Деркач бросились к калитке загона. Сорвав ее с петель, они чудом успели отбежать в сторону, когда косяк лошадей, словно горный поток, сломав плетеный забор, двинулся к открытым воротам. Черкесские лошади, отделенные от казачьих плетеными воротцами, шарахались из стороны в сторону. Осип отвалил воротца, и животные, ведомые природным инстинктом, галопом понеслись в ту сторону, куда мгновение назад умчались их собратья.

Выращивание лошадей в казачьем животноводстве занимало особое место. Поэтому конь был для казака на вес золота. Лошадь была основным помощником в земледельческом хозяйстве. Условия службы у казаков способствовали тому, что они выработали замечательную по скорости бега и выносливости лошадь, которая могла проходить большие расстояния, довольствуясь подножным кормом при недостатке воды. Билый, говоря о том, что кони сами найдут дорогу в станицу, не ошибся. Казаки воспитывали своих коней так, что те без труда могли добраться домой, проходя немалые расстояния.

На громкое ржание коней и стук копыт из ближних саклей выбежали несколько встревоженных черкесов, держа в руках ружья наизготове. Выкрикивая гортанные команды, они пытались оценить ситуацию и быстро принять решения. Нельзя было терять драгоценные секунды.

Горцы заметались, заметив отряд казаков, и в один голос крикнули: «Кхерам! Гаур!»

Сотник почувствовал, как внутри обрвалась натянутая пружина завода, тренькая переливистым звоном, и резко выкрикнул, командуя: «Пали!»

Грянули выстрелы. Четверо черкесов упали как подкошенные. Остальные моментально скрылись за саклями.

В ауле сразу начался переполох. Из жилищ дробленным горохом посыпали вооруженные горцы и сразу стали валиться, попадая под огонь казачьих рушниц.

Билый расслабился, подпустило. Беспокойство ушло. Поправил папаху, вытирая испарину. Теперь за боем наблюдал как бы со стороны, оценивая каждую деталь, думая за всех.

Выкрикнул команду, приказывая станичникам рассредоточиться, чтобы не попасть под собственный перекрестный огонь.

Горцы перестраивались, сработал инстинкт самосохранения: пользуясь тем, что находятся в своем родном ауле, где все им знакомо с детства, быстро занимали оборону, используя в качестве баррикад и укрытий сакли и стены жилищ. И началась ответная прицельная пальба!

Ответили не менее меткими выстрелами. Практически сразу несколько казаков было ранено, причем двое из них завалились кулями. Сотник скрипнул зубами, сжимая челюсти и серея лицом. Зыркнул глазами. Без слов поняли, и с разных сторон станичники кинулись к раненым, вытаскивая из-под обстрела. Те, кому из казаков позволяли силы, поползали до ворот и укрывались за наружной стеной аула. Тяжело раненных станичники оттаскивали к сторожевой вышке, где можно было укрыться от пуль и оказать первую помощь.

В центре аула у загона для скота были вырыты ямы для хранения зерна, накрытые деревянными навесами. Здесь засели Осип Карабут и Степан Деркач. Оба стреляли хорошо с довольно приличного расстояния. С самого детства казака приучали к войне, передавая из поколения в поколение умение нападать и защищаться. От отца к сыну передавалось и оружие, и даже фамильная техника боя.

И Осип, и Степан, как любой из пластунов, могли бесшумно передвигаться по любой местности, отлично маскировались, имитировали для сигналов друг другу птичьи и звериные голоса, могли использовать в качестве оружия все, что оказывалось под рукой, даже собственный пояс. Оттачивали до совершенства умение оставаться незаметным, быстро и бесшумно перемещаться, терпеливо сидеть в засаде, вслушиваясь в звуки, разбираться в следах и многое другое, что необходимо разведчику. Действовали, как правило, внезапно, проявляя смекалку, хладнокровие и выдержку. Стреляли без промаха, иногда даже не видя противника, на звук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.